

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Прот. А. Лебединцева.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринтовская улица.

1900.

Дозволено цензурою. Г. Київ, 5 августа 1900 года.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

О предкахъ.

Слыхалъ я въ дѣтствѣ своемъ отъ глубокой старушки, родной бабушки моей (по отцу), что родоначальникомъ семьи отца моего, священника села Зеленой Дубравы, былъ одинъ изъ выходцевъ Украины, состоявшій въ послѣдствіи въ числѣ атамановъ славнаго войска Запорожскаго, кочевавшаго у пороговъ Днѣпровскихъ. Подтвержденіе сего я нашелъ въ сочиненіяхъ знаменитаго исторіографа Новороссійскаго края, — Аппола О. Скальковскаго; тамъ сказано, что въ числѣ прочихъ куреней козаковъ, кочевавшихъ у пороговъ Днѣпровскихъ, было нѣсколько куреней, населенныхъ козаками „*Лебедынцями*“.

Я передамъ разсказъ мнѣ моей бабушки, какъ мужъ ея, а мой дѣдунка, попалъ въ духовное званіе:

„Времена, разсказывала мнѣ моя бабушка, были тяжкія для житія православнымъ людямъ въ правобережной части Малороссіи, находившейся подъ властью поляковъ. Какого, какого горя не терпѣли православные за свою вѣру православную, которую поляки хотѣли замѣнить унією, а во многихъ мѣстахъ уже было и ввели унію. И вотъ одинъ изъ этихъ атамановъ Запорожскихъ (имени его не помню, какъ называла бабушка) — „Ле-

бедынецъ“, имѣя двухъ сыновей, сказалъ старшему изъ нихъ Григорію: „Батько нашъ—гетманъ собирается прогуляться по Украинѣ и нагнать страху на поляковъ—притѣснителей православнаго народа украинскаго, а потому ты иди туда *завчасу*, и стань тамъ священникомъ, для того, чтобы, когда мы прійдемъ туда, народъ былъ подготовленъ къ приходу нашему и далъ бы помощь отрядамъ нашимъ, между прочимъ и фуражемъ; другого же сына своего атаманъ Лебедынецъ оставилъ при себѣ въ отрядѣ своемъ. Вотъ и пошелъ, рассказывала мнѣ бабушка моя, дѣдъ твой, запорожецъ Григорій Лебедынецъ, въ Кіевскую теперь губернію и, по одобреніи громады, посвященъ во священники села Зеленой Дубравы. Такъ называлось оно потому, что находилось на полянѣ, окруженной большими дубовыми деревьями.

— Охъ—тяжка, тяжка жизнь была дѣда твоего, а мужа моего во время священства его въ с. Зеленой Дубравѣ!

Однажды нагрянули въ с. Зеленую Дубраву польскіе жолнеры и, за неподатливостію его пристать на унію, вбросили его въ нашъ погребъ и разложили тамъ курево, заперли его тамъ нашимъ-же замкомъ, взявши себѣ ключъ, чтобы онъ задохся тамъ отъ дыму; понабрали они изъ погреба разныхъ наливокъ—вишневокъ, сливянокъ и грушевокъ, и до того въ нашемъ домѣ поналивались, что повалялись мертвецки пьяными. Видя, что спать безпробудно, я подобрала ключъ къ замку отъ погреба, выпустила мужа и сама убѣжала съ нимъ въ окружавшій Зеленую Дубраву лѣсъ.

Много, много и другого разнаго горя дознали мы, покуда не смиловался надъ нами Господь и надъ всѣмъ православнымъ народомъ правобережной Малороссіи, стонавшимъ подъ гнетомъ поляковъ, и не внушилъ Царицѣ Екатеринѣ мысль принять насъ подъ свое крылышко и дать намъ право свободно исповѣдывать свою православную вѣру. Вскорѣ послѣ сего послѣдовало распоряженіе склонять и уніатовъ, жившихъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, въ православную вѣру, и ~~или~~ какъ выражалась моя бабушка, на благочестіе. И вотъ духовное начальство избрало для этого болѣе извѣстныхъ и способ-

ныхъ изъ оставшихся въ православіи двухъ священниковъ; въ числѣ этихъ избранниковъ былъ мужъ мой, а твой дѣдушка, отецъ Григорій Лебединцовъ (такъ сталъ зваться онъ, когда поступилъ подѣ власть русскаго правительства). Когда пришлось ѣхать ему по порученію сему, то я, боясь, чтобы не убили его гдѣ нибудь въ этой поѣздкѣ и я не осталась бы несчастною вдовою, тѣмъ болѣе, что была носящею во чревѣ младенца, настойчиво добилась отъ него, чтобы онъ взялъ и меня съ собою, въ томъ предположеніи, что если убьютъ его, пусть и меня уже убиваютъ вмѣстѣ съ нимъ. Господь далъ, что путешествие было благополучное и благоуспѣшное, а я къ тому же благополучно разрѣшилась на берегахъ Буга (въ Волинской губерніи) сыномъ Гавріиломъ, который теперь есть отецъ твой, твоихъ братьевъ и сестеръ.

Присоединіе униатовъ на благочестіе, по словамъ моей бабушки, происходило такъ: пріѣдемъ, бывало, къ униатскимъ священникамъ; поговорятъ православные священники съ униатскими, иногда и долго времени; и когда склонятся тѣ священники на благочестіе, тогда они уже сами созовутъ прихожанъ въ свой дворъ, поговорятъ съ ними и, подписавъ листы, сдадутъ на руки православныхъ священниковъ, а тѣ уже отсылаютъ ихъ куда слѣдуетъ.

Отецъ мой Гавріиль, пришедши въ возрастъ школьный, послѣ домашняго приготовленія въ ученіи книжномъ, поступилъ для продолженія ученія въ древнюю Кіевскую Академію. Состоя въ классѣ реторики, онъ отправлялся на Рождественскіе праздники въ домъ своихъ родителей въ Зеленую Дубраву. При приближеніи къ воротамъ двора своего, возница на радостяхъ погналъ лошадей; санки въ воротахъ забѣжали въ затоку, ударились объ столбъ, на которомъ были привѣшены ворота, и прибили ноги студента Гавріила Лебединцева до того, что онъ около году могъ ходить только на костыляхъ, прекративъ ученіе свое въ Кіевской Духовной Академіи. Родители его, не видя улучшенія въ состояніи болѣзненныхъ его ногъ, пообѣщали отдать его на служеніе Богу при какомъ нибудь монастырѣ, если ноги его

оправятся. Эта милость Божія послѣдовала. И они обѣтъ свой исполнили, помѣстивъ его въ Мошногогорскій монастырь, Кіевской Епархіи. Въ монастырѣ этомъ Гавріиль Лебединцевъ года черезъ два-три до того преуспѣлъ въ уставахъ монастырскихъ, что былъ назначенъ уставщикомъ или правящимъ хоромъ монастырскимъ, а вмѣстѣ и письмоводителемъ старца игумена, у котораго приобрѣлъ такое довѣріе, что игуменъ тотъ обращающихся къ нему по всякимъ дѣламъ ссылалъ къ *Гаврылкѣ*, чтобы тотъ разсудилъ объ нихъ и порѣшилъ. Срокъ обѣта родителей будущаго отца моего истекъ въ прохожденіи имъ монастырскаго послушанія, и онъ, по желанію своихъ родителей, возвратился въ домъ ихъ въ помощь имъ, преклонныхъ ради лѣтъ ихъ, и занялъ при отцѣ своемъ должность церковнаго дьячка.

Родители моей маменьки жили въ с. Яблуновкѣ, богуславскаго уѣзда. Отецъ ея, о. Іосифъ Вакуловскій, былъ священникомъ въ Яблуновкѣ. Потерявъ жену, онъ черезъ нѣкоторое время и самъ скончался. Такимъ образомъ дочь ихъ осталась круглою сиротою, въ возрастѣ юной невѣсты. По сочувствію къ ея сиротскому положенію, Яблуновскіе прихожане и сама помѣщица села того, Михайловская, ходатайствовали предъ Епархіальнымъ начальствомъ о зачисленіи Яблуновскаго прихода за священническою сиротою Ѳеклою Осиповною, но ходатайство не имѣло успѣха. Тогда Ѳекла Осиповна рѣшилась сама отправиться въ Кіевъ. Много натерпѣлась она тамъ горя; напрасно вызывала на сочувствіе къ своему дѣлу декастерскихъ чиновниковъ. Заобрить же ихъ у нея не было никакихъ средствъ; наконецъ, она обратилась къ митрополиту Серапіону. Въ одинъ день, рано поутру, пробилась она въ покои митрополита; но секретарь не допустилъ ея къ Владыкѣ. Тогда, воспользовавшись отсутствіемъ секретаря, она рѣшилась итти безъ доклада,—прошла чрезъ всѣ двери и вошла въ самую опочивальню Высокопреосвященнаго Владыки, который еще не былъ одѣтъ, а она, едва завидѣвъ его, со слезами бросилась ему въ ноги. Появленіе дѣвушки удивило Владыку, и онъ спросилъ: кто тебя впустилъ? Я сама вошла—съ твердостію отвѣчала просительница и въ сильныхъ выраже-

ніяхъ изложила свое бѣдственное положеніе. Владыка, не уважившій ходатайствъ помѣщицы и прихожанъ, былъ побѣжденъ ораторствомъ простой сельской дѣвушки и зачислилъ за нею просимый приходъ. Помнятъ-ли лѣтописи православнаго сельскаго духовенства примѣръ такой благоразумной отваги въ рядахъ сельскихъ дѣвушекъ, какой показала Ѳекла Осиповна? Тутъ же, въ Кіевѣ, нашелся ей женихъ, окончившій курсъ богословія, и она пошла съ нимъ за благословіемъ къ Владыкѣ. Посмотрѣлъ Высокопреосв. Владыка на жениха и не далъ благословенія, сказавъ, что онъ, какъ видно по лицу, нездоровъ. Три раза ходила она съ нимъ, а Владыка все отклонялъ ее и, наконецъ, въ утѣшеніе сказалъ ей: „Господь пошлетъ тебѣ такого умнаго и хорошаго жениха, какъ ты сама“. Утѣшенная милостивыми словами Архипастыря, Ѳекла Осиповна оставила Кіевъ и возвратилась въ Яблунку. Вскорѣ представился ей другой женихъ, окончившій философскій классъ, и послѣ праздниковъ Рождественскихъ имѣла быть свадьба.

Предъ праздниками же Рождественскими того самаго года родители Гавріила Лебединцева предположили обручить его и для сего пріискали дочь выкупщика изъ крестьянъ, богача, проживавшаго въ недалекомъ разстояніи отъ с. Зеленой Дубравы, въ такъ называемомъ Боровиковомъ хуторѣ. Но обстоятельство непредвидѣнное порѣшило избрать ему въ сопутницу жизни невѣсту другую. Дѣдушка моей впослѣдствіи маменьки, священникъ, проживавшій въ очень далекомъ разстояніи отъ Зеленой Дубравы и совершенно незнакомый родителямъ Гавріила Григорьевича, проѣзжалъ со своею внучкою Ѳеклою Осиповною въ с. Торговицу, находившееся на границѣ Херсонской губерніи, къ ея родственникамъ—попросить на свадьбу ея съ окончившимъ курсъ философій.

Время было зимнее и очень холодное. Въ пути ночь ихъ застигла, когда они должны были проѣзжать с. Зеленую Дубраву. Снѣжные заносы и ночное время заставило старика священника попросить ночлега у незнакомаго ему священника с. Зеленой Дубравы, о. Григорія Лебединцева, который радушно согласился

пріютить путниковъ. Этотъ случайный гость объявилъ, что онъ не одинъ, а съ нимъ ѣдетъ и внучка его—барышня; одна изъ сестеръ моего отца, тоже барышня, Ефросинія, немедленно отправилась просить въ домъ и сопутницу. Но та, конфузясь, долго не соглашалась; наконецъ уступила просьбѣ. Когда-же, вошедши въ комнату, нѣсколько ознакомилась съ гостепріимными хозяевами, то въ разговорѣ съ ними проявила такой умъ и веселость характера, что они, на другой день, когда путники отъѣзжали, взяли съ нихъ слово, что на обратномъ пути своемъ непременно заѣдутъ къ нимъ опять. Условіе это исполнено. И въ этотъ пріѣздъ совершилась помолвка жениха Гавріила Григорьевича съ невѣстою Оеклою Осиповною, съ условіемъ, чтобы, по вступленіи въ бракъ, Гавріиль Григорьевичъ занялъ священническое мѣсто въ с. Яблуновѣ, Богуславскаго уѣзда, такъ какъ приходъ этотъ зачисленъ былъ Владыкою за Оеклою Осиповною. И такимъ образомъ Гавріиль Григорьевичъ, вмѣсто отцовскаго своего прихода с. Зеленой Дубравы, поступилъ священникомъ въ с. Яблуновку.¹⁾

Во время священства своего въ с. Яблуновѣ о. Гавріиль Лебединцевъ имѣлъ дѣтей—Матрону, Арсенія, Петра, Даниіла и дочь Ефросинію. По смерти же своего отца, онъ перешелъ на священническое мѣсто въ с. Зеленую Дубраву. Здѣсь у него родились дѣти: Андрей, Теофанъ, Александра, Марѳа и Марія, (умершая въ дѣтствѣ).

Жизнь моихъ родителей не отличалась въ с. Зеленой Дубравѣ достаткомъ, а Яблуновскій приходъ былъ много бѣднѣе. Но отецъ мой, будучи любимымъ священникомъ, какъ въ Яблуновскомъ приходѣ, такъ еще болѣе у прихожанъ Зеленинскихъ, за свое благочестіе и особенно за усердное благоговѣйное богослуженіе и любвеобильное отношеніе къ прихожанамъ, былъ вспомоствуемъ ими, хотя не деньгами, но бѣдности ихъ, но натуральными вспомоществованіями, которыя состояли въ слѣ-

¹⁾ Объ этомъ разсказано въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ «Странникъ» за 1866 годъ, мѣсяцъ апрѣль.

дующемъ: прихожане пахали отцу церковныя земли; во время уборки поспѣевъ на поляхъ, они, по собственному вызову, жали, косили и свозили во дворъ батюшкѣ; во времени выѣзда нашего въ учебныя заведенія, послѣ праздничныхъ и лѣтнихъ каникулъ, приносили пшено, соль, крупу, просольную рыбу и разные другіе продукты, т. е. все то, что мы должны были доставлять хозяевамъ, у которыхъ мы квартировали, состоя въ учебныхъ заведеніяхъ. А такъ какъ у нашего отца была единственная (буланая) лошадь, необходимая ему для выѣзда по паствѣ, и особенно къ сѣсѣднимъ священникамъ,—то прихожане для провоза насъ въ школы (въ Богуславъ и Кіевъ) приводили своихъ лошадей и своихъ парней (т. е. молодыхъ сыновей), чтобы не отвлекать отъ работъ двухъ-трехъ годовыхъ работниковъ, служившихъ у нашего отца. При такихъ лишь пособіяхъ возможно было отцу нашему, при несуществованіи въ тѣ времена никакихъ денежныхъ окладовъ отъ правительства, или такъ называемаго теперь жалованья,—содержать въ школахъ пятерыхъ сыновей. ¹⁾

¹⁾ Изъ нихъ самый старшій, Арсевій Гавриловичъ, впоследствии былъ кафедральнымъ протоіереемъ въ г. Одессѣ и имѣлъ Анны 1-ой степени и на Георгіевской лентѣ на шеѣ (за Севастопольскую оборону) золотой крестъ, осыпанный драгоценными камнями, выданный изъ кабинета Его Императорскаго Величества;—второй братъ, Петръ Гавриловичъ, былъ кафедральнымъ протоіереемъ въ Кіевѣ,—кавалеръ 1-й же степени Анны, пожалованъ и митрою; третій—Даніилъ Гавриловичъ, по окончаніи Кіев. Дух. Академіи в нѣсколькихъ годовъ службы своей въ качествѣ преподавателя Кіевенск. Дух. Семинаріи, перешедшій на службу въ Петербургъ по военному вѣдомству, прослужилъ по сему вѣдомству болѣе 40 лѣтъ; на службѣ сей принималъ въ качествѣ Члена Военнаго Кондификаціоннаго Комитета, преимущественное участіе въ составленіи свода военныхъ законовъ и умеръ въ чинѣ Тайнаго Совѣтника, имѣлъ въ числѣ другихъ высшихъ орденовъ и орденъ Бѣлаго Орла; пятый братъ мой,—Феофанъ Гавриловичъ, выѣхавшій со мною учившійся, по окончаніи Кіев. Дух. Академіи, поступилъ преподавателемъ въ Кіев. Дух. Семинарію, потомъ переведенъ

Коснувшись, такимъ образомъ, въ своихъ воспоминаніяхъ біографіи моихъ предковъ, перехожу за симъ къ болѣе подробному воспоминанію о себѣ и моемъ младшемъ братѣ за время школьнаго нашего обученія.

II.

Воспоминанія мои объ обученіи моемъ въ церковной школѣ села Зеленой Дубравы.

Первоначальное обученіе книжной и письменной премудрости получилъ я вмѣстѣ съ младшимъ моимъ братомъ, Теофаномъ Гавриловичемъ, въ Зеленой церковно-приходской школѣ, бакаляромъ коей состоялъ старіеи-шляхтичъ, панъ Корчинскій. Обучалъ онъ насъ *абѣцадлу*, чтенію по титламъ и слово-титламъ, утреннимъ и вечернимъ молитвамъ по букварю печати Кіево-Печерской лавры. По изученіи букваря, обязательно было для každого „учня“ приносить пану бакаляру, именовав-

бакалавромъ Кіев. Дух. Академіи; перешедши на службу въ качествѣ начальника Учебной Дирекціи въ Привислянскій край, по выслугѣ срока на пенсію, возвратился въ Кіевъ, и основалъ здѣсь журналъ «Кіевскую Старину», труды по коей, какъ извѣстно мнѣ, и свели его преждевременно въ могилу; умеръ въ чинѣ дѣйств. стат. совѣтника. Четвертый братъ, это моя мѣрность (авторъ описываемыхъ воспоминаній), заслуженный протоіерей, бывшій настоятель собора въ губ. г. Ломжѣ, законоучитель 8-ми классной мужской гимназіи, и теперь пенсіонеръ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, кавалеръ Анны 2-й степени и Владиміра 4-й степени. Всѣ мы всегда помнили каждую услугу, оказанную намъ Зеленойскими прихожанами въ трудный періодъ воспитанія нашего въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—А братъ Петръ Гавриловичъ, умирая завѣщалъ для Зеленой школы и капиталъ, получаемый изъ купленной имъ невдалекѣ отъ села Дубровы численной земли, чтобы школа поддерживалась съ процентовъ того капитала.

шемуся еще и „Директоромъ“, гречаную съ саломъ кашу, которую торжественно съѣдали вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его „учни“. Та-же исторія происходила и по изученіи Часослова и Псалтыри. Выдержавши блистательно экзаменъ въ умѣннѣ читать по Часослову и Псалтыри, мы допускались къ чтенію ихъ и въ церкви при богослуженіи. Особенно требовалось читать звонко псаломъ „Благослови душе моя Господа“, положенный для чтенія при окончаніи литургіи при раздачѣ антидора, чтобы заслужить похвалу отъ парафіянъ и парафіянокъ, по выходѣ изъ церкви толковавшихъ о томъ, насколько хорошо прочитано было „Благослови душе моя Господа“. Предъ праздникомъ Рождества Христова панъ баккаляръ обучалъ насъ колядкамъ, которыхъ мы распѣвали въ домѣ отца нашего, а крестьянскіе „учни“—въ домахъ почетнѣйшихъ прихожанъ. Изучаема была въ Зеленянской школѣ и „личба“, т. е. писаніе цифръ, а также и письмо, которое состояло въ списываніи вокабуловъ, начерченныхъ баккаляромъ на большой деревянной доскѣ сухимъ мѣломъ, а мы копировали на малыхъ ручныхъ доскахъ обмоченными въ разведенной водою „крейдѣ“ перьями. Такова была программа обученія нашего въ Зеленянской школѣ, существовавшей съ давнихъ временъ. ¹⁾ Баккаляръ Корчинскій, надо отдать ему долгъ справедливости, былъ жизни трезвой и человекъ набожный. Одну только имѣлъ слабость—много нюхалъ табакъ и такъ часто открывалъ свою большую лубяную табакерку, что отъ непріятнаго запаха „учни“ его невольно чихали. Табакъ свой приготавливалъ такъ: закуливши въ м. Ольшаной нѣсколько пачекъ листьевъ „мархотки“, въ свободное отъ ученія время онъ посылалъ „учней“ изъ крестьянскихъ дѣтей на могилки (историческіе курганы), находившіяся на выгонѣ, сбивать будяки (круглые съ острыми колючками),—сушилъ то и другое вмѣстѣ въ печкѣ и, смѣшавши, заставлялъ тереть въ большой „макотрѣ“.

Послѣ обученія меня и младшаго брата моего въ Зеленянской школѣ, отецъ нашъ самъ дополнилъ подготовку нашу

¹⁾ Въ этой школѣ обучались и старшіе мои братья, о коихъ я выше упоминалъ.

для поступленія въ Богуславское духовное училище. Подготовка эта заключалась въ изученіи личбы до тысячи и улучшеніи почерка нашего. Какъ хорошій каллиграфъ своего времени, отецъ чтобы исправить почеркъ нашъ, прописывалъ собственно-ручно на малыхъ деревянныхъ разлинейныхъ дощечкахъ—начала строчныя, а потомъ прописныя буквы, и послѣ нихъ—слова. Мы же на остальныхъ линейкахъ копировали и такимъ образомъ приучались къ отцовской каллиграфіи. Послѣ упражненій на доскахъ, переходили къ писанію на тетрадахъ гусиными перьями. Чернила заготовлялъ отецъ нашъ, въ видахъ экономіи, изъ чернильныхъ орѣшковъ и купоросу, что стоило не болѣе 5 грошей. По закону Божію мы были приготовлены только знаніемъ молитвъ. Чтеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ происходило такимъ порядкомъ: собиралась вся семья, состоящая изъ 5 братьевъ и сестеръ; отецъ дѣлалъ возгласъ „*Благословенъ Богъ Нашъ*“, на что очередной отвѣчалъ „аминь“ и начиналъ читать молитвы, во время чтенія которыхъ въ извѣстные промежутки мы творили земные поклоны, а мать наша все время стояла на колѣняхъ. По окончаніи чтенія молитвъ, отецъ нашъ говорилъ дневной отпущъ, какой полагается на церковномъ богослуженіи, и мы дѣловали руки отца и матери. Чередовались въ чтеніи молитвъ мои старшіе братья и тогда, когда были воспитанниками Кіевск. Дух. Академіи.

III.

Воспоминанія о Богуславскомъ Духовномъ Училищѣ за время бытности моей въ немъ въ 1837—42 году.

Воспитанные дома въ страхъ Божіемъ, навывшіе къ чтенію въ церкви и каноновъ на утрени, поступили мы для начальнаго образованія въ Богуславское д. училище при мужскомъ монастырѣ. Помѣстили насъ на квартирѣ, наполненной воспитанни-

ками высшихъ классовъ, и поручили надзору одного изъ нихъ, нашего родственника, Петра Семеновича Ильяшевича, сына дьячка с. Зеленой Дубравы. При тихомъ, вроткомъ характерѣ своемъ, онъ не въ силахъ былъ защищать насъ, малышей, отъ разнаго рода обидъ, какія претерпѣвали мы отъ старыхъ соквартирантовъ. Когда подавались на ужинъ гречаныя галушки въ квасу, старшіе на расхватъ забирали все, а мы хлебали только квасъ. Дадутъ бывало намъ въ руки объемистую деревянную коновку съ привязанной къ ней вверху веревкой и послѣ ужина пошлютъ въ вечернюю темную пору принести чистой, какъ кристалъ, воды изъ кринички „камянки“, высѣченной на камнѣ. Криничка эта находилась на неблизкомъ разстояніи отъ квартиры нашей и путь къ ней пролегалъ по монастырскому лужку между кустарниками, извивался по обрывистымъ скаламъ, затемнявшимся росшими вблизи ихъ ольховыми деревьями. „Каменка“ эта вызываетъ у меня слѣдующее пріятное воспоминаніе. Черезъ годъ по поступленіи моемъ въ училище, когда насъ перевели на другую квартиру, за лугомъ монастырскимъ, пробирался я поутру подлѣ „каменки“ въ классъ и увидѣлъ стоящаго около ней монаха. Хотите, можетъ быть, напиться воды?—спросилъ я.—Нѣтъ, хочу умыть лице свое, но нечѣмъ достать воды.¹⁾ Я предложилъ ему свои услуги. Чѣмъ же можешь помочь мнѣ?—продолжалъ онъ. Ничего не говоря, я быстро снялъ себя сапожки, бѣлкою всползъ на близъ стоявшее дерево и досталъ спрятанный тамъ свой деревянный съ веревочкой ковпикъ, которымъ зачерпнулъ воды и слилъ на руки монаха. Умывшись, монахъ этотъ предложилъ мнѣ еще достать воды и слить ему на голову. Погладивъ меня по головѣ, онъ спросилъ мое имя и фамилію. Не мало пораженъ былъ я, когда черезъ часъ послѣ моего прихода въ училище, вошелъ въ нашъ классъ архіерей съ повстрѣчавшимся со мною у кладезя монахомъ. Послѣдній что-то шепнулъ на ухо первому и указалъ рукою на меня. Архіерей, никого не спрашивая изъ

¹⁾ Вода въ криничкѣ «каменной» находилась глубоко и рукою нельзя было достать ее.

учениковъ нашего класса, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, какъ твоя фамилія? Получивши отвѣтъ, подзялъ спустившіеся съ головы моей волосы, посмотрѣлъ на лобъ и сказалъ: „Лобъ большой, должно быть мудрецъ будешь“. Архіерей этотъ былъ Иннокентій, викарій кievской митрополіи, впоследствии архіепископъ Одесскій, а монахъ—Серафимъ, бакалавръ Кіевской Академіи, впоследствии архіепископъ Воронежскій.

Успѣхи наши въ первые два года пребыванія нашего въ богуславскомъ училищѣ были довольно слабые,—что объясняется слабостію надзора надънами, частыми прогулками по монастырскому дугу для осмотра птичьихъ гнѣздъ, увлеченіемъ пѣніемъ соловьинымъ, прислушиваніемъ, сколько кому закукуетъ кукушка, и разными играми. Ко времени переводныхъ экзаменовъ нашихъ изъ второго класса въ третій (курсъ былъ двухгодичный) пріѣхалъ къ намъ отецъ нашъ и пошелъ къ учителю нашего класса Ф. М. М—му собрать справки объ успѣхахъ нашихъ. Въ невеселомъ расположеніи духа возвратился къ намъ:—тебя, Андрей, сказали отецъ, по просьбѣ моей, какъ старшаго брата, общалъ учитель перевести въ слѣдующій классъ, а за тебя, Теофанъ, я далъ цѣлый рубль, чтобы перевели. Нельзя порицать за это М—го, принявъ во вниманіе, что годовое жалованье его было всего 10 р. а онъ былъ женатъ и имѣлъ двухъ сыновей. Смотрителемъ богуславскаго училища, когда я и братъ мой были во второмъ классѣ, считался игуменъ монастыря, о. Григорій, носившій кличку „Гречка“,—человѣкъ лѣтъ 70—80, бѣлый какъ лунь. Училища нашего не посѣщалъ, по крайней мѣрѣ младшихъ классовъ, и мы видѣли его только въ монастырской церкви, куда водили насъ на богослуженіе, или проходящимъ въ стѣнахъ ограды монастырской, при посѣщеніи келій братій монастырскихъ. Тихій, безмятежный старецъ этотъ памятенъ мнѣ по такому случаю. Когда меньшій братъ мой Теофанъ на первомъ году нахожденія нашего въ училищѣ заболѣлъ корью, старушка служанка посоветовала мнѣ напоить его настойкою съ липоваго цвѣта, подсластивъ медомъ, и сказала, что за копу грошей можно купить стаканъ меду въ монастырѣ, гдѣ, по случаю великаго

поста, бываетъ приносъ и медомъ. Я отправился въ монастырскую церковь; но послушникъ сказалъ мнѣ, что въ этотъ день, за окончаніемъ поминовеній (великій четвергъ), всѣ кухлики перенесены уже къ о. игумену для раздѣла между братіей. Что было дѣлать? Рѣка Рось была въ разливѣ и трудно было доставиться въ городъ, чтобы купить тамъ меду. Я рѣшился пойти къ о. игумену. Получивъ аудіенцію, я объяснилъ ему причину своего посѣщенія. Онъ повелъ меня въ свою коморку при келліи, гдѣ находились кухлики, и предложилъ мнѣ выбрать любой. Избравши самый большій, я далъ о. Игумену копу грошей. Онъ разсмѣялся, возвратилъ мнѣ деньги и далъ еще одинъ кухликъ.

По переводѣ насъ въ 3 классъ, успѣхи наши въ наукахъ повысились, чему мы обязаны сколько строгимъ внушеніямъ со стороны родителей, столько и заинтересовавшему насъ своими уроками учителю греческаго языка и соединенныхъ съ нимъ предметовъ, Стефану Романовичу Турчинскому. Учитель сей былъ изъ вновь окончившихъ курсъ Кіевской д. семинаріи и почти изъ первыхъ учениковъ;—человѣкъ онъ былъ весьма энергичный и принялся горячо и разумно за преподаваніе порученныхъ ему предметовъ. Особенно увлекъ онъ насъ своимъ методомъ преподаванія греческаго языка, какъ главнаго предмета. Вмѣсто того, чтобы задавать намъ по учебнику „отселѣ до селѣ“, какъ водилось тогда, онъ съ перваго урока началъ чертить намъ уроки по греческой грамматикѣ на классной доскѣ. Стучалъ мѣломъ звонко, слова произносилъ громко, оглядываясь чуть не ежеминутно, заставлялъ за собою повторять то того, то другого ученика въ одиночку, иногда, на краткихъ фразѣхъ, и хоромъ, чѣмъ и пробудилъ насъ отъ школьной дремоты. Такимъ методомъ преподаванія прошелъ съ нами въ непродолжительное время этимологию; по ознакомленіи насъ съ нѣкоторыми правилами синтаксиса, перешелъ къ устнымъ, такъ называемымъ *эллокуціямъ*, подымая на нихъ то одного, то другого, воспитанника. Упражня насъ въ *эллокуціяхъ*, по окончаніи цѣлаго предложенія, или нѣсколькихъ и даже цѣлой рѣчи, вызывалъ охотниковъ повторить все, что говорилось иногда въ продолженіе цѣлаго часа, сначала по

русски, а потомъ въ переложеніи на греческій языкъ. И я съ братомъ Теофаномъ, благодаря природной памяти, преимущественно предъ прочими товарищами отличались на такихъ эллокупціяхъ и обратили на себя особенное вниманіе Стефана Романовича. Къ Рождественскимъ праздникамъ мы стояли въ разрядномъ спискѣ въ числѣ первыхъ учениковъ по греческому языку и соединенныхъ съ нимъ предметовъ, напр.,—по церковному уставу. Но особенную ревность возбудилъ у насъ Стефанъ Роман. на своихъ эллокупціяхъ переложеніемъ съ церковно-славянскаго языка на греческій такъ называемыхъ начинательныхъ церковныхъ молитвъ. Самъ-же онъ въ этомъ руководился какою-то имѣвшеюся у него небольшого формата книжкой на греческомъ текстѣ. Мнѣ и теперь помнятся нѣкоторые начальные греческія слова этихъ молитвъ. Воспитательное значеніе имѣло для насъ и то, что Стефанъ Роман. первый на урокахъ часто приводилъ намъ изреченія изъ Сираха, въ родѣ слѣдующихъ: „Въ злохудожду душу премудрость не внидетъ, ниже обитаетъ въ тѣлеси повинномъ грѣху. Сынъ премудръ веселитъ отца, сынъ-же безумецъ печаль матери“. Какъ пріятно мнѣ было видѣть своего незабвеннаго учителя С. Р., въ послѣдствіи ректора кіево-софійск. д. училища, когда я былъ въ богословскомъ классѣ семинаріи, присутствующимъ на публичныхъ экзаменахъ нашихъ, на которые пріѣзжалъ и митрополитъ Филаретъ! Съ какою радостію по переходѣ моемъ изъ царства Польскаго на службу въ Кіевъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, на третій день моего пріѣзда, посѣтилъ я состоявшаго уже въ заштатѣ свыше 90-ти лѣтняго старика Стефана Роман., прикованнаго къ одру болѣзненному! Онъ сразу узналъ меня, обрадовался и жаловался на незначительный окладъ получаемой пенсіи. Черезъ непродолжительное время оставилъ онъ земной міръ, и я въ числѣ прочихъ имѣлъ утѣшеніе проводить его гробъ до могилы. Вѣчный покой, царство ему небесное!

Учителемъ латинскаго языка былъ у насъ Иванъ Никитичъ Цвѣтковскій, человѣкъ доброй души, но по давности нахождения на службѣ ослабѣвшій въ педагогическомъ дѣлѣ, по-

чему мало интересовалъ насъ своими уроками. Былъ требователенъ, когда начали изучать спряженіе глаголовъ съ ихъ формаціями, а въ особенности предъ нашимъ отъѣздомъ домой на каникулярное время, угрожая не пощадить „маменькиныхъ на насъ портековъ“, какъ онъ выражался,—при чемъ дѣлалъ оговорку, что пощада возможна для тѣхъ учениковъ, родители которыхъ привезутъ овсеца для его лошадей. Припасши при своемъ одиночествѣ нѣкоторый капиталъ отъ репетицій, Иванъ Никитичъ обзавелся парю борзыхъ лошадей и красивой колясочкой, на которыхъ катался въ послѣбѣдненное время.

По переходѣ нашемъ въ 3 классъ, начальникъ монастыря и вмѣстѣ смотритель училища, игуменъ Григорій, вышелъ въ отставку, и на его мѣсто на должность смотрителя поступилъ недавно выпущенный предъ тѣмъ кандидатъ Кіевской духовной Академіи Игн. Петр. М—чъ. Мы и его не часто видѣли, и то только, когда онъ изъ уроковъ въ 4 классѣ, во время переменъ, выходилъ въ училищный корридоръ проходиться. Мы не могли не любоваться его осанкою: корпусомъ своимъ былъ полонъ, росту выше средняго, лобъ широкій и выпуклый, глаза большіе и тоже выпуклые, на длинныхъ щекахъ—баккенбарды довольно волосистые, голосъ густой, поступь важная, на плечахъ плащъ, изъ подъ плаща выглядываетъ черный фракъ съ блестящими серебряными пуговицами въ орлахъ. Въ непродолжительномъ времени начальникъ нашъ принялъ священный санъ съ титуломъ уѣзднаго протоіерея и первенствующаго члена Богуславскаго духовнаго правленія, помѣщавшагося въ монастырскомъ домикѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ училища. Съ принятіемъ священнаго сана смотритель нашего училища выглядѣлъ еще лучше: ряса на немъ была шелковая—цвѣту свѣтлаго, кафтанъ атласный, препоясанный краснымъ бархатнымъ поясомъ, расшитымъ золотомъ; шляпа шелковая, низкая, съ короткими полями. Весь костюмъ о. смотрителя спать былъ, какъ говорится, по послѣдней модѣ. Квартировалъ онъ въ городѣ, откуда и пріѣзжалъ въ училище въ лѣтнюю пору въ щегольскомъ открытомъ экипажѣ, а зимою—на саяхъ-козырькахъ, на которыхъ кучеръ во время

ѣзды стоялъ на ногахъ, и намъ видно было изъ училища еще версты за двѣ, какъ катитъ нашъ начальникъ. Отъ новаго смотрителя повѣяло на наше училище новымъ духомъ—свѣтскимъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ, равно и супруга его происходили изъ дворянскаго сословія, и родина ихъ была въ Липовецкомъ уѣздѣ, заповѣдномъ культурными польскими дворянами-помѣщиками, неотразимому вліянію которыхъ во многомъ подпало и православное духовенство того уѣзда. Учителя, что для нихъ была новинка, приглашались на танцевальныя вечера къ о. смотрителю, на которыхъ сближались съ лицами военнаго и гражданскаго вѣдомства. Живо рисуется мнѣ и теперь толстякъ городничій Брюновъ съ треуголкой на головѣ и бѣлыми перьями, въ какомъ видѣ я не разъ видѣлъ его въ монастырѣ, во время архіерейскихъ пріѣздовъ. Одинъ о. инспекторъ нашего училища, протоіерей Мойсей Мудровъ, давній служака, бывшій учитель моихъ старшихъ братьевъ, не поддавался новымъ вліяніямъ. Съ удивительнымъ трудолюбіемъ онъ исполнялъ, какъ учительскую, такъ и инспекторскую обязанность, посѣщая аккуратно ученическія квартиры, какъ поздними вечерами, такъ иногда и утромъ, разбросанныя за рѣкою Росью по домамъ мѣщанъ, на неблизкомъ разстояніи отъ города Богуслава, въ центрѣ котораго находилась его квартира. Посѣщенія эти были довольно затруднительны, въ виду переправы черезъ рѣку Рось на паромѣ, или лодкѣ. Въ субботу, фѣральный день для воспитанниковъ, о. инспекторъ, до начала занятій на основаніи доставляемыхъ ему свѣдѣній, какъ учителями, такъ и „старшими“ изъ самихъ же воспитанниковъ надъ квартирами, въ своей инспекторской комнатѣ подвергалъ наказанію малоуспѣвающихъ, или въ чемъ либо провинившихся. Какъ преподаватель, о. Мудровъ былъ на рѣдкость; преподавалъ же онъ намъ въ 4 классѣ латинскій языкъ и географію. По латинскому языку положено было въ 4-мъ классѣ проходить синтаксисъ по грамматикѣ, а для упражненій переводились греческіе полководцы по Корнелію Непоту. Лучшіе изъ учениковъ не только хорошо переводили по сему учебнику, но читали на память подлинный латинскій текстъ о томъ или другомъ

полководцѣ. Нѣкоторые могли на память прочесть на лагинскомъ языкѣ всѣхъ этихъ полководцевъ. Въ 4 классѣ, куда я съ братомъ перешли въ числѣ первыхъ учениковъ, попалъ я въ особую милость у о. инспектора Мудрова и о. смотрителя Мац—ча. Первый, по невозможности для него самого провожать воспитанниковъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ церковь монастырскую, такъ какъ состоялъ священникомъ при одной изъ городскихъ церквей г. Богуслава,—поручалъ это дѣло мнѣ, равно и надзоръ за чиннымъ стояніемъ ихъ въ церкви. Предъ третьими экзаменами приглашалъ меня къ себѣ на домъ для переписки на бѣло составленныхъ имъ конспектовъ изъ пройденнаго по предметамъ. Однажды, когда я пришелъ къ нему въ воскресный день предъ литургіею очень рано, онъ попросилъ меня, за болѣзнію глазъ, прочесть ему молитвы предъ св. причащеніемъ,—что и исполнилъ я съ величайшимъ удовольствіемъ. Второй—о. смотритель, поручая переписку своихъ конспектовъ другому переписчику, годичныя отчетности по хозяйственной части, представлявшіяся въ Семинарское правленіе, какъ имѣющія характеръ секрета, давалъ переписывать мнѣ, у себя на дому. Въ этихъ отчетахъ прописывалось, между прочимъ, что на покупку дровъ для отопленія классовъ въ зимнее время употреблено столько то рублей съ копѣйками,—чего въ дѣйствительности не было. Согревались-же мы въ классѣ такимъ образомъ: брались за руки и становились въ круговую цѣпь, послѣ чего прыгали до упадка силъ, повышая тѣмъ температуру своихъ тѣлесъ. Это прыганье называлось у насъ игрою въ „качана“. Въ тѣхъ-же отчетахъ значилось, что за кочергу для переворачиванія дровъ въ классныхъ комнатахъ во время топки уложено столько-то, хотя этой кочерги никто изъ насъ не имѣлъ счастья видѣть; на доставку воды для учениковъ во время классныхъ занятій—столько то, а между тѣмъ мы утоляли жажду между скалъ у „камянки“, якоже древле въ пустыни людіе Божіи. Думается мнѣ, что эти сбереженія шли на покупки намъ конфетовъ во время „рекрецій“ или маевокъ, которыя бывали 1, 15 и 30 мая, или на пріемъ

ревизоровъ изъ наставниковъ Семинаріи, на что училищное наше начальство было щедро.

Въ 4 классѣ на первомъ году по разрядному списку о. инспектора я стоялъ первымъ, Стефанъ Чернявскій—вторымъ, братъ Теофанъ—третьимъ, а по списку о. смотрителя Чернявскій первымъ, я—вторымъ, братъ третьимъ. Приближалось время третнего экзамена на второмъ году предъ празникомъ Р. Хр. (курсъ двухгодичный). О. инспекторъ на послѣднемъ урокѣ принесъ списокъ и положивши предъ собою на столикѣ, первымъ вызвалъ Чернявскаго, вторымъ—брата моего, третьимъ—меня. Это повергло меня въ такое уныніе, что послѣ отвѣта я опустилъ голову на учебную скамью и не могъ ни на кого смотрѣть, ничего слушать. По приходѣ домой на квартиру, я не могъ обѣдать и, упавши на кровать, покрылъ голову одѣяломъ и пролежалъ до вечера; затѣмъ въ тяжеломъ раздумьи, въ темнотѣ ночной, пробродилъ по лугу монастырскому нѣсколько часовъ. Въ эту ночь я видѣлъ знаменательный сонъ—видѣлъ отца смотрителя, который обратился ко мнѣ съ такими словами: „не скорби, о. инспекторъ понизилъ тебя въ списокѣ, а я повышу“. Пробудился я въ большомъ недоумѣніи, что сей сонъ значить. Сонъ оказался для меня вѣщимъ: на другой день, послѣ классныхъ уроковъ, о. смотритель позвалъ меня къ себѣ для переписки своего разряднаго списка, въ которомъ я значился первымъ, братъ Теофанъ—вторымъ, Ч—скій третьимъ,—подъ какими номерами мы переведены въ Кіевскую Духовную Семинарію.

По вступленіи моемъ на должность учителя богуславскаго д. училища пріятно мнѣ было въ числѣ воспитанниковъ этого училища усмотрѣть трехъ сыновей бывшаго моего инспектора, протоіерея Мудрова, для которыхъ при ихъ слабыхъ успѣхахъ, изъ глубокаго чувства уваженія къ ихъ родителю, вызвался я быть безмезднымъ репетиторомъ. Кстати сдѣлать маленькую замѣтку на счетъ фамиліи Мудрова. По отцу онъ былъ Мужаловскій и подъ такую фамилію былъ извѣстенъ намъ и подписывался на классныхъ журналахъ; но въ одинъ день всѣ мы были очень изумлены, когда увидѣли на классномъ журналѣ его

собственноручную подпись, вмѣсто „Протоіерей Мужаловскій“ протоіерей Мудровъ. Исторія этой метаморфозы съ фамиліей такая. Кіевскій митрополитъ Филаретъ на публичномъ экзаменѣ въ Кіевской д. Семинаріи вызвалъ одного ученика подъ фамиліей „Мужаловскій“; фамилія эта почему-то не понравилась ему и онъ предложилъ переимѣнить ее не только этому воспитаннику, но всѣмъ Мужаловскимъ въ Кіевской Епархіи, предоставляя имъ право изъ трехъ выбранныхъ самимъ митрополитомъ избрать какую угодно. И инспекторъ нашъ избралъ—„Мудровъ“.

III.

Воспоминанія мои о Кіев. дух. семинаріи за время воспитанія моего въ ней въ низшемъ отдѣленіи (отъ 1842 до 1844 года).

Въ своихъ замѣткахъ объ эпохѣ отъ 1842 до 1844 года,—весьма важной въ исторіи образованія въ семинаріяхъ по нѣ-
кому измѣненію устава семинарскаго, мнѣ желательно коснуться и обрисовать, поскольку позволяетъ мнѣ память и сохранившіяся замѣтки, преимущественно тѣ, освѣщеніе чего можетъ, по моему мнѣнію, послужить полезнымъ матеріаломъ для будущаго историка Кіев. дух. семинаріи.

Пріемные экзамены для поступленія въ духовную семинарію. Правленіе Кіев. дух. семинаріи имѣло обыкновеніе посылать ревизоровъ въ подвѣдомственные ему духовныя училища, для провѣрки состоянія училищъ и, въ частности, для провѣрки успѣховъ учениковъ 4-го класса дух. училищъ, насколько они подготовлены къ продолженію ученія въ дух. семинаріяхъ. Случилось такъ, что къ выпуску насъ изъ училища, въ которомъ я обучался, такого ревизора къ намъ не прислали. Также не ревизованы были и другія два провинціальныя училища, кромѣ мѣстныхъ кіевскихъ—Подольскаго и Софійскаго. По-

этому мѣстное начальство Богуславскаго училища составило переводной списокъ выпускаемыхъ изъ 4-го класса по своему усмотрѣнію, а окончательное рѣшеніе перевода зависѣло отъ экзамена, которому мы должны были подвергнуться послѣ каникулъ въ самой семинаріи. Хотя я съ братомъ своимъ Теофаномъ, при выпускѣ изъ училища, занимали первыя мѣста но опасеніе наше на счетъ пріема въ семинарію было до того велико, что мы еще дорогою, ѣдучи въ Кіевѣ, разсуждали объ этомъ предстоящемъ намъ пріемномъ испытаніи и считали для себя и то уже счастьемъ, если семинарское начальство согласовалось принять насъ въ семинарію впредь до усмотрѣнія нашихъ успѣховъ уже въ ней. Съѣхавшіеся послѣ каникулъ ученики трехъ провинціальныхъ училищъ—Богуслава, Черкасскъ и Умани—подвергнуты были экзамену всѣхъ вмѣстѣ. Испытаніе производили ректоръ и инспекторъ семинаріи, которые преимущественное вниманіе обращали на знаніе учениковъ по латинскому и греческому языкамъ. Проверка знаній учениковъ по этимъ языкамъ производилась переводами экспромтомъ изъ того и другого зыка на русскій по какимъ-то маленькимъ книжечкамъ, которыя давались въ руки экзаменовавшимся. Намъ съ братомъ пришлось успокоиться немедленно послѣ своихъ отвѣтовъ, т. е. мы получили одобреніе со стороны обоихъ экзаменаторовъ.

Первые классные уроки по поступленіи нашемъ въ дух. семинарію. Всѣхъ принятыхъ послѣ каникулъ изъ трехъ провинціальныхъ училищъ, вмѣстѣ съ зачисленными въ семинарію изъ двухъ мѣстныхъ (Подольскаго и Софійскаго) училищъ, оказалось около 300 человекъ. Въ такомъ числѣ намъ приходилось слушать преподавателей по каждому предмету въ одномъ классномъ помѣщеніи. На скамьяхъ могли сидѣть не больше половины этого числа учениковъ; остальнымъ приходилось стоять въ разныхъ мѣстахъ класса, преимущественно за скамьями сидѣвшихъ; были и такіе, которые возлежали за спинами стоявшихъ товарищей. Понятно также, что, при такой массѣ учениковъ, не могло обойтись безъ шума и говора. Отдаленнымъ отъ кафедры нельзя было слышать словъ преподавателя, и

потому, отчасти, многіе предпочитали спокойно возлечь въ классѣ. Къ этому внѣшнему неудобству присоединялся неудобный обычай преподаванія предметовъ на латинскомъ языкѣ, напримѣръ: риторикѣ, по Бургію, нѣкоторое время пришлось слушать на латинскомъ языкѣ. Но скоро въ томъ-же 1842 г. намъ объявили о преобразованіи семинаріи по новому уставу, и тутъ самою выдающеюся новинкою была отмѣна преподаванія главныхъ предметовъ на латинскомъ языкѣ.

Составъ лицъ начальствовавшихъ и преподавателей и предметовъ, преподававшихся въ низшемъ отдѣленіи семинаріи въ первый годъ введенія новаго устава. Ректоръ семинаріи, архим. Е., былъ роста высокаго; черты лица имѣлъ правильныя, цвѣтъ лица нѣжный, волосы—свѣтло-шелковичнаго цвѣта, голосъ—мягкій; вообще внѣшняя осанка его была величественная; даромъ слова владѣлъ прекрасно. Въ отношеніяхъ своихъ къ преподавателямъ держалъ себя до того внушительно, что они подходили къ нему подъ благословеніе, сложивъ обѣ руки, случалось-ли это у него на квартирѣ, когда они посѣщали его, или въ классахъ, при посѣщеніяхъ о. ректоромъ уроковъ. Тѣмъ не менѣе о. ректоръ былъ человѣкъ веселый, спокойный и во внѣшнемъ видѣ никогда не проявлялъ гнѣвливости.—Въ отношеніяхъ къ ученикамъ о. ректоръ щеголялъ умѣньемъ разоблачать виновность учениковъ, замѣшанныхъ въ томъ или другомъ проступкѣ. При такихъ разоблаченіяхъ, о. ректоръ имѣлъ обыкновение предлагать ученику скороговоркою много частыхъ вопросовъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ совершенному проступку, и виновность ученика, замѣшаннаго въ какомъ нибудь проступкѣ, въ отвѣтахъ его на неожиданные вопросы Ректора часто явственна сказывалась. Побѣжденный искусною діалектикою о. ректора ученикъ часто въ концѣ-концевъ сознавался въ своей виновности самъ и просилъ прощенія.

Довольный своею побѣдою ректоръ ¹⁾ прощалъ, помятно, съ внушеніемъ недопускать впередъ ничего подобнаго ²⁾.

¹⁾ Красивый и краснорѣчивый проповѣдникъ съ пріятною дикціей архим. Е. пользовался большимъ расположеніемъ и любовью

Инспекторомъ былъ у насъ о. іером. Антоній.

Не отличаясь такою величественною внѣшностію, какъ архим. Е., о. Антоній по внутреннимъ своимъ качествамъ и добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей былъ вполне на своемъ мѣстѣ, какъ инспекторъ ³⁾. Правиль жизни по отношенію къ себѣ о. А., былъ строго аскетическихъ; но видъ его былъ всегда веселый и взоръ горѣлъ любовію. По отношенію къ ученикамъ о. А., какъ инспекторъ, проявлялъ особенную ревность въ надзорѣ за ними; онъ зорко слѣдилъ за каждымъ воспитан-

Кіевскаго аристократическаго общества. Выпущенный 2-мъ магистромъ изъ кіевской дух. академіи, товарищъ знаменитаго Дмитрія Муретова, о. Е. былъ нѣкоторое время до своего ректорства въ Кіев. семинаріи, бакалавромъ Пет. дух. акад.; впоследствии былъ экзархомъ Грузіи и умеръ архіепископомъ Тверскимъ.

2) Къ такимъ проступкамъ преимущественно относились случайныя выпивки учениковъ старшихъ классовъ. Рассказывали между прочимъ о такомъ случаѣ выпивки и прощенія за нее о. ректоромъ. Одинъ казено-коштный воспитанникъ богословскаго класса, изъ отдѣленія о. ректора и любимецъ его, отправился какъ-то вечеромъ къ одному изъ своихъ товарищей на пирушку, устроенную этимъ послѣднимъ по случаю произнесенія имъ въ этотъ день проповѣди. О. инспекторъ, узнавшій объ этомъ, велѣлъ служителю караулить у семинарскаго корпуса и немедленно доставить къ нему отправившагося на пирушку, лишь только онъ возвратится въ корпусъ. Когда выпившій приведенъ былъ инспекторомъ къ ректору, то послѣдній съ напускнымъ гнѣвомъ обратился къ своему любимцу съ такими словами: «Ты водку пилъ?!» Выпившій умиленно глядя въ глаза ректору, отвѣтилъ: «братіку, братіку, кто іи не пьетъ?» Ректоръ улыбнулся, приказалъ отвести его въ номеръ проспаться; тѣмъ дѣло и кончилось.

3) О. Антоній былъ гораздо моложе курсомъ о. Ректора нашего по выпуску изъ Кіев. дух. академіи, которую онъ кончилъ 1-ымъ магистромъ. До инспекторства въ Кіев. дух. семинаріи о. А. былъ нѣкоторое время бакалавромъ Кіев. дух. акад., а потомъ ректоромъ Кіево-Соф. дух. училища, называвшагося тогда Филаретовскимъ, по имени основателя его, дяди о. Антонія, Митр. Кіев. Филарета.

никомъ, стремясь знать всесторонне не только о внѣшнемъ его поведеніи, но, насколько возможно, проникнуть и во внутренній строй души его. Должно быть, для замѣченныхъ въ комъ-нибудь изъ учениковъ дурныхъ наклонностей, а также и для предупрежденіи ихъ въ другихъ ученикахъ, о. А., между прочимъ, имѣлъ обыкновеніе въ воскресные и праздничные дни собирать всѣхъ учениковъ задолго до начала богослуженія въ просторную семинарскую столовую и, произведши здѣсь провѣрку, всѣ-ли собрались, обыкновенно сейчасъ-же значительное время посвящалъ либо на чтеніе въ слухъ какихъ-нибудь статейъ религіознаго содержанія, либо на устную бесѣду или какое-нибудь наставленіе;—и все это о. А. дѣлалъ, по собственнымъ его словамъ, изъ желанія укоренить въ воспитанникахъ духъ святѣйшей религіи Христовой и духъ, подобающій кандидатамъ пастырскаго служенія. Въ великій постъ, во время говѣнія воспитанниковъ семинаріи, о. Антоній служилъ самъ великопостные часы, великое повечеріе, полунощницу, утреню. Утреннее богослуженіе предварялъ чтеніемъ домашнихъ утреннихъ молитвъ, а вечернее—заканчивалъ чтеніемъ молитвъ вечернихъ, съ присовокупленіемъ къ нимъ и чинопослѣдованія такъ называемаго поклоненія Страстямъ Господнимъ, составленнаго св. Димитріемъ Ростовскимъ. Во время чтенія этого чинопослѣдованія пламенная религіозность о. А. выражалась частыми, быстро стремительными, и смиренно-благоговѣйными колѣнопреклоненіями. Все это производило неотразимо-глубокое впечатлѣніе на воспитанниковъ и другихъ молящихся. Въ отношеніяхъ своихъ къ серьезно провинившимся, по донесенію старшихъ, о. А. былъ видимо очень строгъ. Въ случаѣ закоснѣнія того или другого воспитанника въ какомъ-нибудь пороѣ, о. А. самъ душевно страдалъ отъ этого; и такія страданія о. инспектора иногда проявлялись и на лицѣ его рельефно, до трогательности. Поэтому лучшіе воспитанники часто сами вызывались помочь о. А. и уменьшить его страданія своими товарищескими совѣтами и вразумленіями тѣхъ, которые вызвали скорбь о. инспектора. Такіе помощники облегчали и успокаивали

о. Антонія. Съ приближенными своими питомцами о. Антоній былъ откровененъ и всегда готовъ оказывать всякую помощь имъ, даже денежную ¹⁾. Обаяніе такихъ качествъ о. инспектора не могло не отражаться благотворно на большинство воспитанниковъ семинаріи, которые сохранили о немъ и по выходѣ изъ семинаріи, самую благодарную память.

Раздѣленіе классовъ, по введеніи новаго устава, на параллельныя отдѣленія и первые преподаватели въ нихъ. По главному предмету въ низшемъ отдѣленіи семинаріи—по словесности, около 300 воспитанниковъ его, были раздѣлены на 3 параллельныхъ отдѣленія, а по каждому изъ остальныхъ предметовъ—на 2 съ назначеніемъ въ каждое отдѣленіе особаго преподавателя. Мнѣ съ младшимъ братомъ пришлось быть въ первомъ отдѣленіи.

Преподавателемъ *словесности* былъ у насъ Ф. Ст. С. Это былъ человекъ роста низкаго, худенькій и очень подвижной. Обучая насъ распространенію предложеній посредствомъ синонимовъ и эпитетовъ, Ф. Ст. особенно любилъ употреблять для этой цѣли предложеніе: „воздержаніе сохраняетъ здоровье человека“. Способъ для распространенія этого предложенія слѣдовало употреблять такой: надобно прибавить синонимъ къ подлежащему и выходило: *воздержаніе*, или *умѣренность въ пищѣ и питіи...*; затѣмъ — синонимъ къ сказуемому, и выходило, кажется, *поддерживаетъ*; далѣе—синонимъ къ дополненію, и выходило,—*здоровье, или физическія силы* и т. д. Полное распространенное такимъ способомъ предложеніе выходило слѣдующее: „воздержаніе или умѣренность, которую человекъ соблюдаетъ въ пищѣ и питіи, поддерживаетъ и сохраняетъ здоровье или физическія силы его“. Изъ распространенныхъ такимъ способомъ предложеній Ф. Ст. училъ составлять періоды, въ родѣ

¹⁾ Каковую по собственному предложенію о. Антонія, уже тогда Ректора семинаріи, пришлось и мнѣ, и при томъ очень щедро, прнять на лѣченіе у докторовъ, профессоровъ Университета, по случаю болѣзни моей въ богословскомъ классѣ.

слѣдующаго: напр. „воздержаніе или умѣренность, которыя человѣкъ соблюдаетъ въ пищѣ и питіи, не только поддерживаетъ здоровье или физическія силы человѣка, но и сохраняетъ жизнь его на долгое время“. Другимъ столь-же любимымъ предложеніемъ Ф. Ст., которое также варьировалось на разные лады, было предложеніе:—„Трудъ укрѣпляетъ здоровье человѣка¹⁾“.

Что-же касается другихъ формулъ рѣчи риторической, то Ф. Ст. старался поселить въ насъ такое-же расположеніе и любовь къ метафорическому, гиперболическому и фигуральному образу выраженія своихъ мыслей, какое было и у него самого; напр.: „но что я говорю“?

Въ видахъ, м. б., санкціонированія такихъ перловъ краснорѣчія и возбужденія въ насъ бѣльшей охоты въ погонѣ за ними,—Ф. Ст. такіе обороты рѣчи употреблялъ и въ проповѣдяхъ своихъ съ церковной кафедрѣ, когда иногда приходилось ему произносить ихъ въ семинарской церкви по росписанію семин. начальства.

Второй годъ въ низшемъ отдѣленіи посвящался изученію поэзіи. Преподавателемъ поэзіи въ нашемъ отдѣленіи былъ тотъ-же Ф. Ст. Но такъ какъ, при всей своей любви и привычкѣ къ фигуральному выраженію мыслей, Ф. Ст. самъ не признавалъ въ себѣ призванія и не ощущалъ любви къ поэзіи,

¹⁾ Истину обоихъ своихъ излюбленныхъ предложеній Ф. Ст. принялся было подтверждать на практикѣ—надо мною и моимъ младшимъ братомъ—во второмъ году низшаго отдѣленія семинаріи, когда мы, по особому его приглашенію, перешли къ нему на квартиру. Паща и питье (чай) намъ выдавались въ такомъ количествѣ что мы поневолѣ должны были соблюдать въ нихъ воздержаніе; а послѣ обѣда предлагалось практически убѣждаться въ истинѣ 2-го предложенія, — «трудъ укрѣпляетъ здоровье человѣка», — перетаскиваніемъ, напр., порубленныхъ уже дровъ въ сарай и т. п. Не знаю, къ пользѣ или во вредъ намъ послужило воспрещеніе Ф. Ст.-чу со стороны въ то время пріѣхавшей къ намъ матери нашей—употреблять надъ вами таву его практику.

то и преподаваніе имъ намъ поэзіи ограничилось ознакомленіемъ насъ съ основными понятіями о поэзіи, и нѣкоторыми формулами изъ нея. Въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ мы, относительно усвоенія поэзіи были товарищи наши,—ученики 3-го параллельнаго отдѣленія низшаго класса семинаріи. У нихъ преподавателемъ риторики и поэзіи былъ К. Д. Д., который, въ противоположность Ф. Ст., не употреблялъ въ прозаической рѣчи фигуральныхъ прикрасть, но за то любилъ поэзію самъ и въ слушателяхъ своихъ старался развитъ способность, или, по крайней мѣрѣ, вселить въ нихъ любовь къ поэзіи. К. Д. и самъ пробовалъ свои силы въ поэтическомъ творествѣ. До сихъ поръ у меня сохранились въ памяти небольшіе отрывки изъ одного его стихотворенія:

„Яка-жъ ты прекрасна, та хороша,
 Моя Золотоноша
 Чымъ Кыевъ краще одъ їи?
 Будынкамы, церквамы?
 Хиба-жъ и въ насъ нема будынкивъ,
 Да церквивъ?
 Богатствомъ?
 Правдоньку сказать, и въ насъ,
 Въ жыдивъ есть гроши“.

Послѣ нѣсколькихъ другихъ куплетовъ въ этомъ родѣ, авторъ заканчиваетъ свое стихотвореніе словами:

„Охъ, моя ненько, Золотоноша
 Яка-жъ ты прехороша“! ¹⁾.

Во второмъ параллельномъ отдѣленіи низшаго класса семинаріи преподавателемъ словесности былъ Д. А. Ждановъ,

¹⁾ Еще при жизни автора, это стихотвореніе,—должно быть, плодъ пріятныхъ воспоминаній изъ дѣтства о милой родинѣ,—было цѣликомъ напечатано въ извѣстномъ тогда журналѣ «Маякъ».

который не вдавался ни въ какія крайности и увлеченія при преподаваніи риторики и поэзіи ¹⁾).

На преподавателей риторики и поэзіи возложено было преподаваніе въ низшемъ классѣ и латинскаго языка. Переводили Лактанція; и ученики изъ всѣхъ пяти духовныхъ училищъ знали латинскій языкъ настолько хорошо, что чтеніе сочиненій Лактанція не представляло трудностей для нихъ.

Преподавателемъ *алгебры и геометріи* въ моемъ отдѣленіи былъ А. Г. М—въ. Судя по физическому и психическому строю этого человѣка, можно-бы сказать, что онъ самымъ рожденіемъ своимъ предназначенъ для преподаванія лишь наукъ изящныхъ, или искусствъ; но А. Г.—чу по волѣ начальства пришлось преподавать намъ алгебру и геометрію. Мое перо слабо, чтобы вполне очертить вѣншній античный обликъ А. Г. Высокій стройно-тонкій, красивый, А. Г. имѣлъ свѣтло-курчавыя, трясущіяся кудри; баки, которые въ то время всѣ преподаватели семинаріи считали для себя какъ-бы обязанностію носить, и нѣкоторые изъ нихъ носили очень большія,—у А. Г. были маленькія, красиво обдѣланныя; рѣчь—быстрая, живая, дѣйствія кистями рукъ—весьма изящныя и быстро-стремительныя, особенно, когда онъ чертилъ на доскѣ разныя формулы, алгебраическіе и геометрическіе чертежи; рѣшеніе математическихъ задачъ—ясное, точное, опредѣленное, и при этомъ краткое и даже математически сжатое. Въ отношеніяхъ къ ученикамъ А. Г. былъ весьма вѣжливъ и благороденъ. Словомъ, какъ учитель и наставникъ, А. Г. былъ образцовый. Это усиливало наше стараніе къ изученію его предметовъ; и не смотря на то, что А. Г. не заставлялъ насъ готовить уроки по учебникамъ, мы знали алгебру и геометрію несравненно лучше, чѣмъ ученики 1-го отдѣленія по этимъ предметамъ, въ которомъ преподаватель заставлялъ своихъ учениковъ готовить уроки по печатнымъ учебникамъ.

¹⁾ Должно-быть, спокойствіе и умѣренность Д. А. Жданова способствовали достиженію имъ глубокой старости: онъ умеръ два года тому назадъ въ возрастѣ болѣе 80 лѣтъ.

Преподавателемъ *гражданской исторіи* во 2-мъ отдѣленіи былъ Гр. Ив. Б—въ, воспитанникъ Харьковскаго коллегіума. Отпечатокъ происхожденія и воспитанія свѣтскаго отражался какъ во внѣшнемъ его видѣ, такъ и въ умственномъ его строѣ. Росту Гр. Ив. былъ средняго; коренасть, голова большая съ маленькою плѣшью на макушкѣ; лобъ широкій, лицо продолговатое; большой носъ, въ который Гр. Ив. имѣлъ обыкновеніе часто и съ пунктуальной разстановкою втягивать табакъ изъ огромной табакерки; бакенбарды носилъ большіе, голосъ имѣлъ звонкій, басовой, искусно спускаемый Гр. Ив. въ мелодическую октаву; особенно, когда онъ рассказывалъ по исторіи, онъ восполнялъ рассказъ какими-либо латинскими фразами, которыми онъ зачастую любилъ щеголять въ классѣ. Являлся онъ въ классъ, едвали не всегда въ форменномъ фракѣ, что рѣдко практиковалось другими преподавателями; и въ лѣтнее и въ зимнее время Гр. Ив. носилъ одну и ту-же шелковую шляпу¹⁾. Гр. Ив. имѣлъ также и какой-то чинъ, чѣмъ также отличался отъ другихъ преподавателей. Возраста былъ уже пожилого, около 50 ти лѣтъ.

По собственнымъ словамъ Гр. Ив. онъ зналъ свой предметъ, гражданскую исторію, „чертовски“; поэтому къ семинарскому учебнику Шрека по этому предмету Гр. Ив. относился строго-критически. Способъ критики бывалъ такой: напр. (по

¹⁾ По поводу этой старой своей шляпы, Гр. Ив. однажды сдѣлалъ намъ такое свое разъясненіе.—Моды, гов. Гр. Ив., часто мѣняются и разоряютъ людей, желающихъ соблюдать ихъ; а намъ,—профессорамъ, съ нашимъ жалованьемъ, не по карману гоняться за ними. Я, по опыту зная, что многія формы модныхъ шляпъ, сошедши со сцены, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, опять входятъ въ моду, обыкновенно поступаю такъ: какъ только выйдетъ изъ моды какая нибудь шляпа, я ее прячу; и лишь только она снова войдетъ въ моду, я ее вынимаю изъ своего архива и ношу, какъ модную. Вотъ и говорю вамъ, господа, что эта шляпа моя есть самая модная. Намъ оставалось только пріобщать къ свѣдѣнію такіе уроки опытной мудрости Гр. Ив.

Шрекку) „Ирихтоній изобрѣлъ коляски“; прочитавъ такое выраженіе, Гр. Ив. волновался и восклицалъ: „О! Боже мой,—Боже мой! и смѣетъ-же Шреккъ говорить это?!“ Какой чертъ въ то отдаленное, глубокой древности, время, могъ изобрѣсти коляски?! Это, господа, должно быть были простыя телѣги; поэтому Шрекку слѣдовало сказать въ своемъ учебникѣ, что Ирихтоній изобрѣлъ механическій способъ, посредствомъ котораго колеса могли вертѣться, а телѣга на нихъ—двигаться. Вотъ и вся премудрость, которую изобрѣлъ Ирихтоній!“

Гр. Ив. владѣлъ замѣчательной памятью, въ которой твердо, до мельчайшихъ подробностей, хранилось все относившееся къ преподаваемому имъ предмету. Изъ сей богатой сокровищницы онъ охотно дополнялъ учебникъ Шрекка; напр., у Шрекка пропущены имена многихъ царей Египетскихъ, Финикійскихъ, Вавилонскихъ, Персидскихъ и др. древнихъ государствъ, и Гр. Ив. перечислялъ намъ въ классѣ имена всѣхъ царей этихъ государствъ,—перечислялъ быстро, скороговоркою, и требовалъ на слѣдующій урокъ перечисленія ихъ, безъ всякаго пропуска, съ присовокупленіемъ ко многимъ изъ его истор. рассказовъ и тѣхъ латинскихъ фразъ, которыя онъ, по какой-то, невѣдомой намъ, ассоціаціи идей, часто произносилъ во время уроковъ по гражданской исторіи ¹⁾.

Разказы и критику свою на исторію Шрекка Гр. Ив. часто восполнялъ,—(должно быть по недостатку въ языкѣ словъ для того, чтобы передать желаемое)—жестикуляціею, которая преимущественно состояла во вращательномъ движеніи указательными пальцами обѣихъ рукъ предъ глазами учениковъ, сидѣвшихъ на первыхъ скамьяхъ,—а иногда во вращеніи и цѣ-

¹⁾ Перечисленіемъ произнесенныхъ Гр. Ив. на урокъ гражданской исторіи трудно произносимыхъ именъ тѣхъ царей съ присовокупленіемъ и латинскихъ фразъ, мы на первыхъ-же порахъ удалось угодить Гр. Ив. и онъ пересадилъ меня поближе къ себѣ,—на первую скамью, съ занятой мною скамьи отдаленной, которую Гр. Ив. обычно называлъ «Шулавкою».

лыми кистями рукъ. Если Гр. Ив. до начала такихъ своихъ разсказовъ съ жестикуляціей допускалъ какую-нибудь строгость по отношенію къ кому-либо изъ учениковъ, сидѣвшихъ даже и на дальнѣйшихъ скамьяхъ, или на „Шулявкѣ“, то достаточно было сидѣвшимъ на первыхъ скамьяхъ упорно потупить глаза свои въ землю во время такого живого разсказа, и жаръ разсказчика мгновенно исчезалъ и самый разсказъ быстро прерывался ¹⁾.

Должно быть вслѣдствіе какой-либо необходимости, Гр. Ив. семинарскимъ начальствомъ на первыхъ порахъ по введеніи новаго семинарскаго устава, кромѣ гражданской исторіи, которую онъ зналъ въ такомъ совершенствѣ, поручено было и преподаваніе *греческаго языка*. Но онъ самъ на первомъ-же урокѣ предъ нами сознался, что онъ плохой знатокъ этого языка, (что достойно и вѣроятіи, такъ какъ Гр. Ив. былъ воспитанникомъ Хар. Коллегіума). „Уча“, сказалъ намъ Гр. Ив., „будемъ учиться“:—„прочитаемъ прежде всего греческій алфавитъ; и, указавъ въ принесенной имъ книжкѣ на первую букву алфавита, спросилъ: эта буква какъ называется? Я называю эту первую букву альфою; такъ-ли это? Ему возразили: это, Гр. Ив. *алфа*, а не *альфа*. Гр. Ив. съ своей стороны обращался съ вопросомъ: отъ чего-же въ моей книжкѣ напечатано по латыни—альфа? Ему отвѣчали, что въ лат. языкѣ буква *л* мягко произносится, а въ греческомъ языкѣ эта буква произносится твердо и называется *ламдою*. Споръ рѣшенъ самимъ-же Гр. Ив.,—что все равно, назвать-ли первую букву альфой или алфой. Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ уроковъ мы прошли съ Гр. Ив. всѣ необходимые отдѣлы для подготовки къ переводамъ съ греческаго языка на русскій. Переводить полагалось сочиненія Ма-

¹⁾ Подобнаго рода продѣлки часто допускалась учениками по отношенію къ достопочтенному Гр. Ив. но онъ по великодушію своему не былъ способенъ къ продолжительному гнѣву. Достаточно было, послѣ какой-нибудь нашей продѣлки, вперить свои взоры въ жестикуляцію Гр. Ив. во время его пауса, и расположеніе его къ намъ опять возстановлялось.

карія блаженнаго; и Гр. Ив., принеши въ классъ книжку Макарія блаженнаго, обратился къ намъ съ такими словами: „Не даромъ этотъ отецъ называется блаженнымъ; это названіе ему принадлежитъ уже потому, что въ этой книжцѣ, которую я досталъ себѣ для перевода съ вами, есть параллельный греческому и текстъ латинскій; и вы будете переводить съ греческаго на русскій, а я буду провѣрять васъ по тексту латинскому. Впрочемъ впослѣдствіи оказалось, что Гр. Ив. былъ не такъ слабъ въ знаніи греческаго языка, какъ онъ вначалѣ представлялъ, а упомянутыя выше мною свои оговорки относительно незнанія имъ греч. языка онъ употреблялъ для юмору, на который онъ былъ вообще большой мастеръ.

Исповѣданіе православной вѣры по руководству Петра Могилы тоже преподавалъ намъ Гр. Ив. Будучи воспитанникомъ свѣтскаго учебнаго заведенія, Гр. Ив. не только не допускалъ никакого свободомыслія, но смиренно склонялъ голову свою предъ всѣмъ, о чемъ и какъ трактуетъ книжица Петра Могилы. Гр. Ив. и самъ не допускалъ никакихъ измѣненій, сравнительно съ текстомъ этой книжки, и ученикамъ не позволялъ этого. Всѣ вопросы книжки Гр. Ивановичъ предлагалъ ученикамъ безъ измѣненія даже въ слововыраженіяхъ, сопровождая толоко ихъ словомъ *monsieur*. ¹⁾

¹⁾ Гр. Ив. хотя и не былъ преподавателемъ французскаго языка въ семинаріи, но часто проговаривался, что онъ знаетъ французскій такъ-же хорошо, какъ и латинскій языкъ. Что-же касается слова «*monsieur*», то употребленіе его при обращеніи къ кому-нибудь Гр. Ив.—ча до того вошло у него въ привычку, что онъ употреблялъ его даже по отношенію къ людямъ, понимавшамъ его по созвучію, въ смыслѣ собственнаго имени «Мойсей». Такъ, между прочимъ, Гр. Ив. рассказывалъ намъ, что ему однажды въ качествѣ семинарскаго эконома дешево удалось купить нѣсколько метелъ на толчкѣ у крестьянина потому, что онъ нѣсколько разъ обратился къ этому крестьянину съ словомъ «*monsieur*». Крестьянинъ оказался Мойсеемъ по имени, остался очень доволенъ, что его знаетъ незнакомый ему «панъ» и уступилъ метлы дешево.

О преподавателяхъ перваго отдѣленія низшаго класса семинаріи по кафедрамъ математики, гражданской исторіи и другихъ соединенныхъ съ нею предметовъ, не могу сообщить ничего, ни о способѣ ихъ преподаванія этихъ предметовъ, ни объ отношеніи ихъ къ ученикамъ, такъ какъ намъ, ученикамъ 2-го параллельнаго отдѣленія, по этимъ предметамъ не приходилось бывать на ихъ урокахъ. Приведеніе-же однихъ именъ ихъ, конечно, было-бы лишнее, при существованіи семинарскихъ архивныхъ записей.

О порядкахъ, существовавшихъ въ семинарской церкви по отправленію въ ней богослуженія. Въ лѣтнее время всѣ воспитанники семинаріи обязаны были непремѣнно бывать на богослуженіяхъ въ семинарской церкви во всѣ воскресные и праздничные дни; въ зимнее-же время обязательно было посѣщать богослуженіе въ семинарской церкви только воспитанникамъ казенокоштнымъ и жившимъ на ближайшихъ къ семинаріи квартирахъ, такъ какъ темный придѣлъ, посвященный памяти св. Алексѣя, человека Божія, въ которомъ совершалось богослуженіе зимою, былъ очень тѣсный для всѣхъ воспитанниковъ семинаріи. До начала богослуженія всѣ воспитанники обыкновенно собирались въ семинарскую столовую, и здѣсь, послѣ провѣрки, всѣ-ли собрались, послѣ дачи о. инспекторомъ наставленій и замѣчаній касательно подобающаго церкви благоговѣйнаго стоянія въ ней, порядка, религіозной настроенности, и средствахъ для этого и т. п.,—всѣ стройными рядами, попарно, отправлялись въ церковь, гдѣ, для надзора, насколько исполнялись воспитанниками постоянно преподаваемыя имъ наставленія, о. Антоній становился позади всѣхъ учениковъ во время обычныхъ всенощныхъ. Чтецами во время совершенія богослуженія назначались поочередно ученики Богословскаго класса. Способнѣйшіе изъ учениковъ всѣхъ классовъ участвовали въ хорѣ, который былъ довольно большой и стройный. Символь вѣры и молитву Господню на литургіи, а на всенощной великое славословіе и „Подъ Твою Милость“—подъ конецъ всенощной пѣли громогласно ученики всѣхъ классовъ, коихъ

ностію отличалось особенное чинопослѣдованіе, совершавшееся въ семинарской церкви въ повечеріи Вербнаго воскресенія. Къ этому времени въ теченіе всей четырехдесятницы приготавлился двухорный концертъ: „Воспойте людіе въ Сіонѣ“. Въ пѣніи концерта принимали участіе около 80 пѣвцовъ.

Церемоніалъ чинопослѣдованія въ навечеріи Вербнаго воскресенія. Къ 4-мъ часамъ по полудни являлись въ семинарскую церковь отцы ректоръ, Арх. Д., и инспекторъ академіи, Арх. Іоанникій, совмѣстно съ Ректоромъ Семинаріи, Арх. Е.—Облачившись вмѣстѣ съ ректоромъ семинаріи, они выходили на средину храма и становились предъ аналоемъ. При появленіи изъ алтаря архимандритовъ, начиналось пѣніе двухорнаго концерта, по окончаніи концерта читалось Евангеліе о торжественномъ входѣ Господнемъ въ Іерусалимъ, за которымъ слѣдовала ектенія. Послѣ ектеніи о. о. архимандриты брали въ руки древесныя вѣтви и, въ сопровожденіи массы народа, стоявшаго и въ церкви и на дворѣ, торжественно направлялись въ церковь Братскаго монастыря при пѣніи семинарскимъ хоромъ тропаря: „Днесъ благодать св. Духа насъ собра“. Торжественная процессія еще больше увеличивалась по дорогѣ къ Братскому монастырю. Отцы архимандриты—все высокіе, статные, стройные, особенно ректоръ академіи, привлекали многихъ въ процессію сами по себѣ ¹⁾. При входѣ въ братскую церковь эту торжественную процессію встрѣчалъ академическій студенческий хоръ съ пѣніемъ другого концерта. По окончаніи концерта въ братской церкви произносилась проповѣдь какимъ-нибудь изъ лучшихъ студентовъ, или-же профессоромъ. Послѣ проповѣди соборно совершалась праздничная всенощная, и на ней то уже были раздаваемы освященные древесныя вѣтви всѣмъ предстоящимъ въ храмѣ. Такіе порядки на долго сохраняются въ памяти, и они живо сохранились въ моей памяти,

¹⁾ Повѣствующему о семъ приходилось наблюдать, какъ даже солдатики, идя то рядомъ, то забѣгая впередъ архимандритовъ, любовались ими и восклицали: «вотъ намъ-бы такихъ командировъ!»

было 700—800 человекъ. Когда это пѣніе всѣхъ учениковъ бывало не только громкое, но и благоговѣнно-стройное, то о. Антоній всегда искренно благодарилъ всѣхъ воспитанниковъ за это. Всенощныя великопраздничныя и литургіи въ воскресные дни о. о. ректоръ и инспекторъ всегда торжественно служили вмѣстѣ съ семинарскимъ священникомъ, если только не приходилось имъ служить вмѣстѣ съ Владыкой Митрополитомъ.

Особенное религіозное настроеніе производило на воспитанниковъ богослуженіе начальствовавшихъ лицъ во время говѣнія въ великій постъ. Самый звонъ колокола семинарской церкви (подобнаго которому по рѣзкости, высотѣ тона, не было во всемъ Кіевѣ), своими рѣдкими, размѣренными ударами, производилъ тогда на насъ необычайное впечатлѣніе. Для чтенія умилительныхъ великопостныхъ часовъ избирался о. Антоніемъ самый лучший чтецъ изъ учениковъ богословскаго класса.

Вслѣдъ за такимъ чтеніемъ выходилъ о. инспекторъ, худенькій, съ впалымъ лицомъ и глазами, и произносилъ тропари послѣ псалмовъ 3, 6 и 9-го часовъ, а также молитву „Господи и Владыко живота моего“... такимъ проницающимъ душу голосомъ и съ такимъ пламеннымъ колѣнопреклоненіемъ, что духъ молитвеннаго его настроенія охватываетъ всѣхъ воспитанниковъ, и они всѣ, какъ одинъ человекъ, съ такимъ же молитвеннымъ пламенемъ выслушиваютъ слова молитвы о. инспектора и также учащенно и пламенно совершаютъ поклоненіе до земли. На великомъ повечеріи великій канонъ св. Андрея Критскаго читалъ о. ректоръ, своимъ высокимъ теноровымъ голосомъ, который онъ развилъ въ совершенствѣ, еще будучи въ академіи, въ студенческомъ хорѣ. Чтеніе о. ректора, при высокой художественности, отличалось умиленностью. Для слушанія канона св. Андрея Критскаго стекалась въ семинарскую церковь и масса постороннихъ слушателей, которые переполняли тѣсный придѣлъ и занимали даже холодную церковь и стояли въ церкви только до конца чтенія о. ректоромъ канона, хотя служба Великаго повечерія чтеніемъ этого канона не оканчивается. Необыкновенною торжествен-

но истеченіи 50-ти лѣтъ. Сообщаю объ этихъ порядкахъ потому, что они, какъ мнѣ самому случайно пришлось видѣть ихъ въ одинъ изъ недавнихъ годовъ, значительно измѣнились, сравнительно съ прежними ¹⁾. Можетъ быть такая скромность празднованія торжественнаго входа Господня произошла по какимъ-либо особеннымъ причинамъ тогда, когда мнѣ пришлось видѣть ее,—но во всякомъ случаѣ она произвела на меня впечатлѣніе не радостное. *Tempora mutantur!*

V.

Воспоминанія за время бытности моей (1844—45 г.) ученикомъ средняго или философскаго отдѣленія К. Д. Сем.

Въ среднемъ отдѣленіи преподавались: логика, психологія, латинскій языкъ, изъясненіе Св. Писанія, библейская исторія, медицина.

Профессоромъ *логики и психологии* былъ Платонъ Алексѣевичъ Троицкій. Личность эта заслуживаетъ того, чтобы очер-

¹⁾ Скажу яснѣе. Проѣздомъ наткнулся я на кучку народа, загорожившаго мнѣ дорогу. Остановившись, я не могъ сразу понять, что это за народъ и чего онъ здѣсь. Но присмотрѣвшись, я замѣтилъ среди толпы—священника съ нѣсколькими (5—6) юношами, вѣроятно пѣвцами изъ учениковъ Кіев. Дух. Семинаріи. Пѣаніе же ихъ было столь слабое, что я едва могъ разслушать его. Священника и пѣвцовъ сопровождало десятка три-четыре простого народа, преимущественно старухъ, шедшихъ съ улицы отъ Семинарской церкви по направленію къ Братскому Монастырю. Несшіе кресты и хоругви не видны были: должно быть они, какъ упредившіе, скрылись уже изъ глазъ моихъ за памятники надъ источникомъ Сампсона. Вотъ и вся картина торжественной процессіи по случаю празднованія торжественнаго входа Господня во Іерусалимъ.

титъ и вѣйшій видъ ея. Лице и носъ—продолговатые, чело—широкое и возвышенное, глаза нѣсколько выдавшіеся и полные глубокаго ума; рѣчь—медленная, поступъ важная, строго размѣренная. Въ лѣтнее время профессоръ этотъ наверхъ форменнаго фрака, надѣвалъ еще длинный, особаго покроя, плащъ, на подобіе тоги древнихъ философовъ; зимою-же набрасывалъ на себя лисью шубу, правый рукавъ которой всегда висѣлъ ненадѣтый.

П. А. Троицкій прекрасно кончилъ Кіев. дух. академію,—третьимъ по разрядному списку.¹⁾ Хотя въ узкихъ рамкахъ программы семинарской другой преподаватель не позволилъ-бы себѣ (какъ дѣйствительно и было у преподавателя параллельнаго отдѣленія философскаго класса) касаться разнородныхъ мнѣній знаменитыхъ философовъ древняго и новаго времени по тому или другому философскому вопросу; но Платонъ Алексѣевичъ, излагая намъ по логикѣ, и особенно по психологіи, установившіяся уже мнѣнія, не считалъ лишнимъ и затруднительнымъ для себя приводить намъ мнѣнія мыслителей древняго и новаго міра; и намъ было пріятно слушать прекрасную передачу этихъ мнѣній П. А.—емъ и критическія его замѣчанія на нихъ. Философскія науки, отвлеченныя и сухія сами по себѣ, особенно логика, вовсе не казались намъ скучными и трудными, при преподаваніи ихъ Платономъ Алексѣевичемъ; мы взаимно увлекались: П. А.—преподаваніемъ, а воспитанники—его лекціями. Обычно пріятный для многихъ воспитанниковъ звонокъ, напоминающій объ окончаніи урока, производилъ непріятное впечатлѣніе, когда онъ раздавался во время урока П. А.—ча: онъ сердито качалъ головою, а у насъ звонокъ прерывалъ съ любовью къ уважаемому учителю сосредоточенное вниманіе, и

¹⁾ Я самъ видѣлъ этотъ экзаменаціонный списокъ съ помѣткой балловъ митрополита Филарета. Первые мѣста въ немъ занимали лица монашествующія,—а именно: 1-ое — іеромон. Дмитрій (Муретовъ), вполсѣд. знаменитый ректоръ К. д. акад., скончавшійся архіеп. Херсонскимъ, 2-ое — Евсевій (Ильинскій) пот. Экзархъ Грузіи, скончавшійся архіеп. Тверскимъ.

часто мы съ неудовольствіемъ оставляли пищу духовную для пищи тѣлесной.

Выдавая свои записки по логикѣ, П. А. требовалъ отъ насъ во время отвѣтовъ не только точной передачи содержанія этихъ записокъ, но и непремѣннаго представленія своихъ собственныхъ примѣровъ на каждый изъ видовъ понятій, сужденій, умозаключеній, дилеммъ, трилеммъ, полилеммъ, силлогизмовъ, паралогизмовъ, софизмовъ. При прохожденіи умозаключеній противорѣчія и непрямыхъ доказательствъ, П. А. заставлялъ насъ во время уроковъ, въ его же присутствіи, упражняться въ диспутахъ. Для диспутовъ П. А. избиралъ по разрядному списку 5—6 человекъ изъ лучшихъ и предлагалъ имъ защищать какой-нибудь имъ самимъ избранный тезисъ; для возраженія и опроверженія этого тезиса избиралъ столько-же лучшихъ учениковъ.¹⁾

¹⁾ Однажды стоя въ главѣ опровергающихъ и замѣтивъ, что противъ избраннаго тезиса слишкомъ мало можно набрать матеріала для опроверженія этого тезиса, я, послѣ нѣсколькихъ маневровъ къ опроверженію, допустилъ сознательно одну неправильную посылку въ умозаключеніи. Противники наши не замѣтили ложности допущенной мною посылки; и намъ легко было напирать на своихъ противниковъ все съ большимъ и большимъ натискомъ въ своихъ умозаключеніяхъ и выводахъ и въ концѣ концовъ, къ удивленію своихъ противниковъ, мы свели защищаемое ими положеніе, само по себѣ истинное, къ положенію совершенно ложному. П. А., стоя во время нашего диспута у классной двери, опершись на нее (что, по обыкновенію, всегда дѣлалъ, когда выслушивалъ урокъ), только посматривалъ съ улыбкою на сражавшихся. По окончаніи же диспута, обратившись къ сторонѣ побѣжденной, сказалъ: вы сами удивляетесь, какъ это вышло, что вы оказались побѣжденными, будучи въ столь сильномъ всеоружіи истины. Посему я объясняю вамъ, что вотъ этотъ (указывая на меня), предводитель противной вамъ арміи, допустилъ хитрый, но логически невѣрный маневръ. Вы не замѣтили этого во время. Вотъ и пошло дѣло далѣе и далѣе на тормозъ вамъ. Теперь же я ставлю васъ снова на поле сраженія, и вы внимательно слѣдите за положеніями и выводами противниковъ. При повтореніи диспута, намъ, при всемъ нашемъ стараніи, не пришлось остаться побѣдителями.

Такую диспутную практику П. А. допускалъ на урокахъ по логикѣ конечно изъ желанія изощрять мыслительныя способности учениковъ.

Во время классныхъ уроковъ П. А. часто читалъ намъ отдѣльныя разсужденія и цѣлыя статьи по разнымъ философскимъ вопросамъ иностранныхъ мыслителей. Чтенія эти, при тогдашнихъ двухъ-часовыхъ урокахъ, продолжались около часу, а затѣмъ П. А. требовалъ передать главыя мысли прочитанной статьи со всѣми подраздѣленіями въ логической послѣдовательности. Такими упражненіями П. А. имѣлъ въ виду пріучить насъ не только къ продолжительной сосредоточенности, но и въ умѣнью различать существенное отъ несущественнаго, главное отъ частнаго, а также—знакомить насъ съ философскими взглядами на вещи и вопросы, какъ современной жизни, такъ и событій времени минувшихъ.¹⁾

¹⁾ Памятенъ мнѣ слѣдующій случай изъ такихъ чтеній. По случаю болѣзни преподавателя логики и психологін въ параллельномъ отдѣленіи, мы всѣ собрались въ одинъ классъ къ П. А. Изъ двухъ отдѣленій сошлись въ большую залу болѣе сотни учениковъ. По прочтеніи однимъ изъ учениковъ какой-то философской статьи, П. А. захотѣлъ узнать, насколько способны передать прочитанное ученики другого преподавателя по его каедрѣ, и предложилъ нѣсколькимъ передать собственными словами содержаніе прочитаннаго; но тѣ не могли, такъ какъ въ параллельномъ отдѣленіи вовсе не бывало подобныхъ упражненій. П. А., желая представить ученикамъ параллельнаго отдѣленія въ примѣръ своихъ, сталъ предлагать нѣкоторымъ изъ послѣднихъ разсказать содержаніе прочитаннаго, но противопоставленные въ примѣръ какъ разъ замялись; П. А. смутился и съ грустью произнесъ: «такъ и мои не приходятъ на выручку!» Услышавъ этотъ грустный тонъ П. А., я, до этого времени скрывавшійся на отдѣльной скамьѣ, быстро поднялся и объявилъ, что могу передать все прочитанное. По окончаніи моего разсказа, П. А. съ веселой оговоркой: «я думалъ было, что ты глѣ-нибудь пропалъ», — обратился ко мнѣ съ благодарностью за то, что выручилъ честь своего класса и его отдѣленія.

Съ любовью позанимавшись логикою подъ руководствомъ уважаемаго П. А. цѣлый первый годъ философскаго класса, мы съ радужными мечтами готовились къ экзамену, надѣясь удивить своими познаніями по этому предмету ассистентовъ и утѣшить любвеобильное сердце благодѣнаго архипастыря,—митр. Филарета. Архипастырь дѣйствительно былъ на публичномъ экзаменѣ по логикѣ; но надежды наши не оправдались. Не смотря на прекрасные отвѣты учениковъ, владыка хмурился лобъ и все больше и больше выражалъ свое недовольство, по поводу массы терминовъ—*„транзитивныя“* и *„интранзитивныя“* положенія и т. п. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, наслушавшись о силлогистическихъ фигурахъ и различныхъ ихъ видахъ, онъ обратился къ П. А. съ слѣдующими словами: „что вы такую дребеденью забиваете головы дѣтей? Я старикъ, и ничего не могу понять изъ этой премудрости.“ П. А. имѣлъ неосторожность оправдываться тѣмъ, что ученики понимаютъ, чему свидѣтельствомъ служатъ ихъ отвѣты. А мы, для оправданія П. А., не ожидая вызова владыкой, начали подступать къ экзаменаціонному столу и объяснять многіе мудреные термины и выраженія наперерывъ другъ передъ другомъ. Владыка хмурился все больше и больше, и, видимо, былъ въ затрудненіи, какъ-бы выйти изъ неловкаго положенія. И вотъ, въ то время какъ мы усиленно отстаивали свое пониманіе логики, преподаваемой намъ П. А.—чемъ, въ дверяхъ экзаменаціонной залы показался докторъ философіи, кафедральный протоіерей Иванъ Михайловичъ Скворцовъ. Владыка, окидывавшій взоромъ своимъ то насъ, то П. А., замѣтивъ въ дверяхъ доктора философіи, началъ звать его къ себѣ: „пожалуйте сюда, Иванъ Михайловичъ! Вотъ эти люди говорятъ какую-то премудрость; я говорю, что я самъ не могу её понять, а профессоръ говоритъ, что они понимаютъ, и вотъ они галдятъ. Сядьте здѣсь подлѣ меня и побейте ихъ!“ И. М., глубоко почтительно принявъ благословеніе святительское, сѣлъ возлѣ владыки и, выслушавши наше довольно долго и при немъ продолжавшееся галдѣніе, попросилъ насъ притихнуть; по воцареніи тишины, И. М. началъ спрашивать насъ по одиночкѣ и, не смотря на поддержку каж-

даго отвѣчавшаго со стороны П. А., опровергъ cadaго; и мы, не устоявъ предъ докторомъ философіи, начали уходить съ поля сраженія одинъ за другимъ въ ряды стоявшихъ за нами прочихъ товарищей. Такъ, съ приходомъ къ намъ И. М., мы потерпѣли полное пораженіе.

Каникулярное время скоро изгладило въ насъ непріятное впечатлѣніе, произведенное экзаменомъ по логикѣ; но на П. А. этотъ экзаменъ сильно подѣйствовалъ. На первый, урокъ по психологіи, по возвращеніи нашемъ въ семинарію, П. А. явился въ самомъ грустномъ настроеніи духа и началъ его слѣдующими словами: „Прошлагодній нашъ посѣвъ побить градомъ Бога живаго; но, какъ земледѣлецъ, не смотря на градобітіе, не покидаетъ дѣла своего, а продолжаетъ его еще съ большей энергіей,—такъ и мы, не смотря на судьбу, постигшую нашу ниву въ прошломъ году, будемъ продолжать наше сѣяніе, въ надеждѣ, что судьба его въ будущемъ будетъ болѣе счастливая“. И дѣйствительно, П. А. началъ преподаваніе психологіи въ такомъ духѣ и направленіи, что напередъ можно было предвидѣть благопріятное впечатлѣніе экзаменаціонныхъ отвѣтовъ учениковъ даже и на архипастыря. Преподаваніе П. А. психологіи понравилось и новому ректору семинаріи, и самому Владыкѣ, митрополиту Филарету. Экзаменъ по психологіи прошелъ вполне благополучно. Были, правда, возраженія со стороны Владыки относительно трехсоставности челоѣка; но П. А. скромно отстаивалъ свой взглядъ, ссылаясь на многія мѣста св. Писанія и особенно на выраженія апостола Павла, и владыка ограничивался молчаніемъ; при чемъ помалкивали и ученики, не вдаваясь въ словопренія, какъ на экзаменѣ по логикѣ.—Таковъ былъ результатъ трудовъ П. А. въ преподаваніи намъ психологіи и надежды его при этомъ на Бога живаго.¹⁾

¹⁾ Ученики, особенно старавшіеся прилежно учиться, относились къ достоуважаемому П. А. съ глубокимъ уваженіемъ и любовью. Однажды, для поздравленія П. А. съ днемъ ангела (18 ноября), яви-

Преподавателямъ по логикѣ и психологіи поручалось преподаваніе и латинскаго языка. Въ наше время переводили сочиненія Цицерона. При переводахъ П. А. предоставлялъ ученикамъ исправлять другъ друга: сначала слабѣйшіе переводили дословно, а потомъ сильнѣйшимъ въ знаніи латинскаго языка ¹⁾ П. А. поручалъ переводить тоже самое, не удаляясь отъ смысла подлинника, чистымъ русскимъ языкомъ.

Однажды П. А., считавшій меня знатокомъ латинскаго языка, уходя изъ класса, по окончаніи послѣдняго предобѣденнаго урока, позвалъ меня въ корридоръ и сказалъ: „Послушай, голубчикъ, что-то мнѣ нездоровится, и я послѣ обѣда на урокъ латинскаго языка не буду, а чтобы не вводить никого по сему случаю ни въ какія хлопоты, я не буду давать знать о семъ никому;— соберитесь вы въ свой классъ, какъ обыкновенно, и пусть другіе переводятъ дословно, а ты перелагай набѣло.“ Я, понятно, пообщалъ; но порученія глубокоуважаемаго наставника не исполнилъ, проспавши послѣобѣденный урокъ на заманчивой кровати одного товарища. Это нечаянное, противъ собственнаго желанія, неисполненіе мною порученія кончилось безпорядкомъ и непріятностями, о которыхъ я передаю, по скольку они харак-

лось насъ къ нему четверо рано утромъ, еще до начала уроковъ,— (это съ пола, изъ-за Канавы, на старый городъ, мновавъ семинарію).—П. А. только что всталъ и былъ даже не одѣтъ; но узнавши о нашемъ приходѣ, онъ немедленно дружески позвалъ насъ къ себѣ. Мы въ его же спальнѣ начали облачать его своими привѣтственными рѣчами. Выслушавъ эти рѣчи, П. А. расцѣловалъ каждого изъ насъ, наполнилъ чаемъ и потомъ носоветовалъ посиѣшнить на уроки, чтобы изъ задержанія насъ у него не вышло непріятностей отъ начальства и намъ и ему.

1) Знанія учениковъ семинаріи по латинскому языку вообще были довольно порядочны, такъ какъ языкъ этотъ хорошо изучали еще въ духовныхъ училищахъ. Помнится, что я, будучи еще въ 4 классѣ Богуславскаго духовнаго училища, которое тогда даже не пользовалось хорошей репутаціей, зналъ на память, дословно, по тексту Корнелія Непота всѣхъ греческихъ полководцевъ.

теризуютъ отношеніе начальника къ воспитанникамъ. Товарищи мои, собравшись на послѣобѣденный урокъ латинскаго языка, начали шумѣть и шалить. Для усмиренія ихъ явился къ нимъ инспекторъ, исполнявшій тогда и ректорскую должность, іеромонахъ Антоній, съ Давидовой, по выраженію товарищей, системой, т. е. псалтырю, и началъ спрашивать ихъ по ней. Замѣтивъ мое отсутствіе, инспекторъ велѣлъ записать меня въ дневной журналъ, чтобы потомъ самому же назначить мнѣ наказаніе за пропускъ урока. На другой день дежурный по журналу объявилъ мнѣ резолюцію инспектора:—„стоять во время обѣда въ столовой казенно-копѣтныхъ учениковъ“. Оскорбленное чувство самолюбія нашло поддержку въ товарищахъ, которые неисполненіе мною наказанія считали выгоднымъ для себя въ будущемъ;—„если ты, говорили они, допустишь себя до такого наказанія, то что будетъ дѣлать съ нами этотъ строгій инспекторъ?“ И я въ назначенный день не исполнилъ резолюціи о. инспектора. На другой день дежурный сообщалъ мнѣ, что о. инспекторъ, узнавши о моемъ непослушаніи, поручилъ ему передать мнѣ, чтобы я непременно исполнилъ его резолюцію. Я снова не послушался; и на слѣдующій день пришелъ къ о. инспектору и, между прочимъ, привелъ ему мнѣніе прежде бывшаго о. ректора, высказанное послѣднимъ въ нашемъ присутствіи одному изъ преподавателей, что лучшему ученику иногда можно и совсѣмъ простить вину; но о. инспекторъ сердито прогналъ меня. Затѣмъ помощникъ инспектора о. Д. М. Смолодовичъ, мягкосердечный протоіерей, предъ своимъ урокомъ по библейской исторіи вызвалъ меня въ корридоръ и сказалъ: „Этакой, такой философчикъ-гордецъ! упрямится исполнить приказаніе о. инспектора, а онъ грозитъ исключить тебя изъ семинаріи!“ Угрозу эту о. инспекторъ легко могъ привести въ исполненіе, будучи племянникомъ владыки Филарета и исполняя въ то время еще обязанность ректора. Я попросилъ совѣта у добраго, отзывчиваго о. Д. М., и добрый пастырь, а вмѣстѣ съ тѣмъ помощникъ инспектора, рѣшилъ уладить это такимъ образомъ: спрашивая меня по библейской исторіи въ продолженіе цѣлаго часа, заставилъ меня,

такимъ образомъ простоять на ногахъ предъ цѣлымъ классомъ и потомъ заявилъ о. инспектору, что постановленная имъ резолюція выполнена мною. Послѣ сего доклада грозившая мнѣ опасность миновала: о. инспекторъ смягчился. На томъ дѣло и кончилось.

А вотъ еще фактъ, тоже характеризующій отношенія начальства къ воспитанникамъ и послѣднихъ между собою. Старшій на нашей частной квартирѣ ученикъ богословскаго класса, наслушавшійся уроковъ у іеромонаха аскета о. Антонія, усмотрѣлъ въ моемъ младшемъ братѣ духъ гордости и характеризовалъ его въ своей мѣсячной аттестаціи зараженнымъ духомъ превозношенія. Приглашенный къ инспектору братъ отрицалъ въ себѣ эту черту характера. Охарактеризовавши брата гордымъ и надменнымъ, старшій однажды принесъ брату сочиненія Ефрема Сирина и совѣтовалъ ему прочесть о гордости. Братъ отвѣтилъ, что читать не будетъ, потому что читалъ раньше по этому вопросу и Е. Сирина, и другихъ. Продолжительное наставленіе старшаго кончилось крупной перебранкой между нимъ и братомъ. Вскорѣ старшій пожаловался на брата ректору (исполнявшему эту обязанность инспектору іером. Антонію), который пригласилъ по этому случаю къ себѣ меня и совѣтовалъ мнѣ, какъ старшему брату, повліять на смягченіе гордеца. Я съ своей стороны тоже отрицалъ эту черту характера въ братѣ. Между тѣмъ вся эта процедура вызвала волненіе въ нашихъ товарищахъ, которые стали распространять разные пасквили на счетъ правоученія старшаго. О. Антоній сильно вознегодовалъ на брата и, говорятъ, совсѣмъ ужъ приготовился было ѣхать къ дядѣ, митрополиту Филарету, чтобы получить отъ него разрѣшеніе на исключеніе брата изъ семинаріи. Но въ это время на выручку явился добрѣйшій о. Д. М. Смолодовичъ; вызвавши насъ изъ класса въ корридоръ, онъ объяснилъ намъ, какой грозный видъ принимаетъ дѣло, и совѣтовалъ смириться. Хотя намъ и не объяснено было, въ чемъ мы должны были выразить свое смиреніе, но мы оба обѣщали смириться, и милѣйшій посредникъ-примиритель нашъ, о. Д. М., немедленно поспѣшилъ къ о. Антонію, которому, сообщивши,

что мы согласны смириться, между прочимъ замѣтилъ, что товарищи наши по случаю увольненія моего брата могутъ поднять бунтъ въ стѣнахъ семинаріи. Въ виду этого о. Антоній оставилъ свое прежнее рѣшеніе и тѣмъ дѣло и кончилось.

Прямую противоположность глубокоуважаемому преподавателю и наставнику по призванію П. А. представлялъ преподаватель философскихъ предметовъ въ другомъ—параллельномъ отдѣленіи философскаго класса, А. И. Т. Это былъ молодой подвижной человѣкъ, только что окончившій Московскую дух. академію. Въ классѣ онъ быстро ходилъ, круто изворачиваясь на поворотахъ; быстрою скороговоркою, да еще въ добавокъ къ этому и съ оттѣнкомъ какъ бы посвистыванія, объяснялъ все при своей бѣготѣ по классу. Хотя въ словахъ его можно было встрѣчать и дѣльные мысли, но отъ несоотвѣтственнаго серьезности предметовъ выраженія и невнятнаго произношенія онѣ теряли свою силу. Особенно непріятное впечатлѣніе производили уроки Т. на насъ, учениковъ П. А., когда намъ почему-либо приходилось сходиться въ отдѣленіе Т.¹⁾

Преподавателемъ предмета „изъясненіе Св Писанія“ былъ іеромонахъ Никандръ. Онъ строго придерживался мнѣній св. отцевъ и учителей церкви. Всегда держалъ себя очень скромно и въ отношеніяхъ своихъ съ учениками былъ снисходителенъ,

¹⁾ Не могу не упомянуть о дальнѣйшей судьбѣ глубокоуважаемаго наставника П. А. По смерти своей любимой супруги, П. А. нѣкоторое время посвятилъ на путешествія по святымъ мѣстамъ, а по возвращеніи оттуда, подъ вліяніемъ митрополита, принялъ монашество; былъ нѣкоторое время ректоромъ Кіевск. Дух. Семинаріи въ санѣ архимандрита; потомъ былъ настоятелемъ православной миссіи въ Константинополѣ и возвратился оттуда, не поладивъ, какъ говорили, съ турецкимъ султаномъ, и умеръ викаріемъ Вишиневской епархіи. Помнится мнѣ выраженіе незабвеннаго П. А., бывшаго уже въ званіи архимандрита и ректора семинаріи: «что монахи—черные люди, какъ и ихъ платье». Это онъ высказалъ во время единственной нашей встрѣчи послѣ выхода моего изъ семинаріи по поводу моего рассказа о напраслинахъ моего начальника по службѣ—монаха.

вѣжливы и благородны. Взоръ его былъ устремленъ обыкновенно внизъ, приподнималъ его только при обращеніи съ вопросомъ къ ученику, отвѣчающему урокъ.—Окончилъ жизнь свою въ послѣднее время архіепископомъ Тульскимъ, будучи старѣйшимъ изъ русскихъ іерарховъ послѣ митрополитовъ Исидора и Платона.

Преподавателемъ *Библейской исторіи* былъ упомянутый уже равнше Д. М. С., исполнявшій вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность помощника инспектора и бывшій священникъ Флоровскаго женскаго монастыря. Преподаваніе его состояло въ простой передачѣ содержанія учебника митрополита Филарета, составленнаго рѣчью довольно тяжеловѣсной. Отношенія его къ ученикамъ были искренно отеческія и съ довлѣющею долею патріархальной простоты. Это былъ добрѣйшій пастырь, наставникъ и челоуѣкъ. Съ пріемами, въ родѣ вышеуказанныхъ, о. Д. М. весьма часто оказывался защитникомъ многихъ учениковъ, впадавшихъ въ немилость у семинарскаго начальника; и многіе, полагаю, сохранили объ о. протоіерей самую благодарную память, по выходѣ изъ семинаріи.¹⁾ Но, какъ часто бываетъ, тѣ-же многіе, сидя на школьной скамьѣ, слишкомъ злоупотребляли мягкосер-

¹⁾ О. Д. М. горячо принималъ къ сердцу судьбу учащейся молодежи не только въ стѣнахъ семинаріи, но имѣлъ обыкновеніе простирать свою заботливость о ней и внѣ стѣнъ учебнаго заведенія, т. е. по отношенію къ окончившимъ курсъ духовной семинаріи. Эта заботливость его по отношенію къ послѣднимъ выражалась въ желаніи женить попадавшагося ему на глаза на какойнибудь его родственницѣ или хорошей знакомой; а тѣхъ и другихъ у него было довольно много. Вопросы о. протоіерея, съ которыми онъ обращался къ встрѣтившемуся съ нимъ какомунибудь «окончившему» о невѣстѣ, приходѣ, и пріемы знакомства съ невѣстою отличались, какъ рассказывали, неловкой простотою и прямою. Но въ то же время многіе женившіеся чрезъ посредство о. протоіерея были счастливы въ брачной жизни и получали прекрасные приходы, такъ какъ Д. М., за содержаніе въ своемъ домѣ при своей семьѣ старушки-матери о. ректора, пользовался большимъ расположеніемъ и его самого, а митр. Филарета, дяди послѣдняго.

дечіемъ и добротой о. протоіерея, часто допуская по отношенію къ нему мальчишескія выходки. О. Д. М. иногда показывалъ видъ, что даже и не замѣчаетъ какой нибудь выходки со стороны нѣкоторыхъ учениковъ, и только болѣе благоразумные ученики то мимикой, то даже словесно унимали своихъ товарищей-проказниковъ.

О преподавателяхъ и способѣ преподаванія предметовъ. Изъясненіе св. писанія и библ. ист. въ параллельныхъ отдѣленіяхъ не могу сообщить ничего, потому что не приходилось мнѣ бывать на урокахъ этихъ преподавателей.

Преподаваніе *медицины* въ дух. семинаріяхъ впервые введено было въ бытность мою въ философскомъ классѣ. Мотивировано было это введеніе тѣмъ, что врачу духовному необходимо быть, особенно въ сельскихъ приходахъ, и врачомъ тѣлеснымъ. Необходимость для духовнаго пастыря по крайней мѣрѣ въ элементарныхъ медицинскихъ познаніяхъ особенно ощутительна была въ то время, когда врачей было вообще мало, а въ районахъ захолустныхъ сель еще меньше. Поэтому-то, по уставу, въ семинаріяхъ должна была преподаваться медицина народная, и преподаватель медицины долженъ былъ ознакомлять воспитанниковъ съ болѣзнями, чаще всего встрѣчающимся, и указывать для ихъ излѣченія самыя простыя средства, которыя можно легко и скоро добыть,—это преимущественно. Но нашъ преподаватель медицины, ординаторъ университета св. Владимира, И. Т. Щербина простеръ свое усердіе по преподаванію этого предмета далеко за предѣлы положеннаго уставомъ. Кратко коснувшись физики, химіи, зоологіи, ботаники, минералогіи, И. Т., судя по сохранившимся у меня доселѣ запискамъ его лекцій, довольно подробно излагалъ намъ: анатомію, фізіологію, патологію, терапію, хирургію, затѣмъ сообщалъ свѣдѣнія по народной гігіенѣ и діетикѣ, по дѣтскимъ болѣзнямъ; говорилъ о подаваніи помощи мнимо-умершимъ, о спасеніи отравившихся и правила, которыя должны быть соблюдаемы при этомъ, о цѣлебныхъ травахъ, объ искусственныхъ лѣкарствахъ, которыя преимущественно должны быть наготовѣ и т. п.

При прохожденіи анатоміи И. Т., для нагляднаго ознакомленія насъ съ строеніемъ человѣческаго тѣла, привозилъ въ классъ свѣже-зарѣзанные трупы животныхъ, строеніемъ своего тѣла сходные съ человѣческимъ организмомъ, и мы подъ его руководствомъ участвовали въ анатомированіи такихъ труповъ.

Особенно хороша была лекція И. Т. вступительная, которую онъ произнесъ передъ началомъ своихъ чтеній по медицинѣ. Въ этой рѣчи И. Т. сообщилъ намъ, между прочимъ, какъ леченіемъ болѣзней человѣческаго организма занимались многіе угодники Божіи и пастыри церкви. Перечисливъ поименно такихъ врачей, И. Т. указалъ и на нѣкоторыхъ угодниковъ Божіихъ, почивавшихъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. По уставу на изученіе медицины посвящались первый и второй годъ философскаго отдѣленія.¹⁾ И. Т. Щ. читалъ ее намъ, воспитанникамъ семинаріи, какъ бы медикамъ-студентамъ, т. е. за все время своихъ чтеній онъ вовсе не провѣрялъ знаній своихъ слушателей, такъ что экзаменъ, произведенный предъ рождественскими праздниками во второй годъ философскаго отдѣленія, былъ первой и послѣдней провѣркой знаній каждаго воспитанника по медицинѣ въ философскомъ классѣ.

VI.

Воспоминанія за время бытности моей 1845—1846—47 г.) ученикомъ высшаго отдѣленія Кіевск. Дух. Семинаріи.

Въ этомъ отдѣленіи преподавались: догматическое богословіе, практическое, пастырское, гомилетика, патрологія, общая церковная исторія, русская церковная исторія, обрядословіе, каноническое право и медицина.

¹⁾ Но такъ какъ введеніе преподаванія медицины въ духовныхъ семинаріяхъ застало насъ во второмъ году философскаго класса, то изученіе медицины продолжено было и въ первомъ году богословскаго класса.

Богословіе догматическое, практическое и пастырское преподавалъ о. архимандритъ Антоній, впоследствии докторъ богословія.

Для испытанія нашей подготовки къ изученію богословскихъ наукъ, о. Антоній на первыхъ порахъ предложилъ намъ для внѣ-класснаго сочиненія тему: „какимъ образомъ занятіе предметами философскими служить подготовкой къ изученію богословія?“

По прочтеніи нашихъ сочиненій на эту тему, о. Антоній въ непродолжительномъ времени принесъ въ классъ два лучшихъ сочиненія и затѣмъ предложилъ ученикамъ высказывать свои мнѣнія о рѣшеніи заданной темы тѣмъ и другимъ авторомъ.

Послѣ разнообразныхъ мнѣній товарищей,—однихъ въ пользу одного сочиненія, другихъ въ пользу другого, о. ректоръ въ заключеніе высказалъ самъ такое мнѣніе: на автора, который высказался о тщетѣ философскихъ мнѣній для открытія истины о Творцѣ и обо всемъ Имъ сотворенномъ и горитъ желаніемъ знать это изъ откровеннаго слова Божія, можно надѣяться, какъ на будущаго хорошаго богослова; другого же автора (а такимъ былъ я) надобно много еще перерабатывать, чтобы онъ сдѣлался хорошимъ богословомъ.

На внѣклассныхъ моихъ сочиненіяхъ богословскихъ, которыя были преимущественно проповѣди, о. ректоръ неоднократно дѣлалъ замѣчаніе въ концѣ рецензій: „сочиненіе это можно дозволить произнести въ конференціальной залѣ въ собраніи всѣхъ учениковъ и преподавателей, но для произнесенія съ церковной кафедры оно не подходящее“.

О взглядѣ о. ректора на проповѣди можно судить отчасти и изъ слѣдующаго случая.

Однажды онъ принесъ въ классъ только что отпечатанную въ брошюрѣ проповѣдь преосвящ. Иннокентія, бывшаго тогда еп. Вологодскимъ, а потомъ архіеп. Херсонскимъ, на недѣлю православія. Проповѣдь эта была еще неизвѣстна намъ. Не говоря объ авторѣ проповѣди, о. ректоръ читалъ ее намъ вслухъ. Въ заглавіи этой проповѣди не находилось текста изъ Св. Писанія. Содержаніе ея, насколько помнится, было таково:

Св. православная церковь наша празднуетъ нынѣ недѣлю православія. Цѣль установленія особаго чина нынѣшняго богослуженія та, чтобы укрѣпить вѣру нашу въ почитаніе св. иконъ и торжественно праздновать судъ св. церкви на всѣхъ непочитателей св. иконъ, т. е. иконоборцевъ. Не лишнее-ли это теперь для насъ? Развѣ и среди насъ есть иконоборцы? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ справедливо, наведемъ справки. Войдемъ мысленно въ любой домъ именитыхъ гражданъ нашего города. Что здѣсь узримъ? Вотъ мы вошли въ первую комнату,—иконъ не видимъ, во вторую, имѣющую болѣе почтенное назначеніе,—не видимъ мы ихъ и здѣсь; нѣтъ иконъ и въ томъ отдѣленіи дома, гдѣ принимаютъ самыхъ почетныхъ посѣтителей его. Дастся-ли мѣсто гдѣ-либо въ знатномъ домѣ св. иконамъ? Если и бываютъ иконы въ такихъ домахъ, то самыя маленькія, въ какомъ-нибудь темномъ потаенномъ углу и притомъ въ такой комнатѣ, въ которую посѣтителі не допускаются. Не значить-ли это, что такіе люди стыдятся ставить эти священныя вещи на виду?—Въ такомъ духѣ и подобнымъ слогомъ, безъ употребленія словъ Св. Писанія, выражена была вся проповѣдь преосв. Иннокентія.

Большинство товарищей и самъ я стояли за эту проповѣдь; какъ исполнѣ соответствующую духу времени.¹⁾ Не малая часть товарищей, пораженныхъ необычною свободою слога въ изложеніи мыслей, несоответствующею церковной кафедрѣ, высказывала порицанія автору, не зная о принадлежности этой проповѣди знаменитому церковному витію. О. ректоръ, выслушавши разнообразныя наши мнѣнія о прочитанной проповѣди и все-таки не объявляя имени автора, равно и не выражая предвзвѣстно своего мнѣнія о ней, прочиталъ намъ одно изъ поученій св. Димитрія Ростовскаго; поученіе это было переполнено текстами изъ Св. Писанія. Въ немъ не только въ основаніе положенъ текстъ; но приступъ и предложеніе выражены были въ большинствѣ словами Св. Писанія. Изложеніе мыслей, въ раз-

¹⁾ По способу изложенія мыслей и слогу рѣчи современной, обращенной къ слушателямъ.

смотрѣніи избранной темы, приложенія ея къ слушателямъ, а также и заключеніе обильны были текстами откровеннаго слова Божія. По прочтеніи поученія св. Дмитрія Ростовскаго, о ректоръ въ назиданіе намъ присовокупилъ: „вотъ это истинное слово Божіе; такъ и вѣтъ въ немъ духъ помазанія божественнаго; а та проповѣдь (т. е. Иннокентія), которую я прежде прочиталъ вамъ, составлена въ препрѣтельныхъ словесѣхъ чловѣческаго мудрованія, чему подражать не совѣтую вамъ“.

О высокомъ достоинствѣ преподаванія намъ о. ректоромъ догматическаго богословія можно судить изъ того, что за систему догматическаго богословія, по рѣшенію учебнаго комитета и самого митрополита Московскаго Филарета, отцу Антонію присуждена была ученая степень доктора богословія, въ то время, кромѣ трехъ Филаретовъ,—Московскаго, Кіевскаго и Черниговскаго, еще никому неприсужденная; а отпечатанныя записки его по догматическому богословію признаны обязательнымъ руководствомъ для духовныхъ семинарій во всей имперіи. Записки о. Антонія по практическому и пастырскому богословію не были имъ отпечатаны. О духѣ и направленіи практическаго богословія по запискамъ о. Антонія можно сказать, что во многихъ своихъ отдѣлахъ онѣ отзывались сильно аскетизмомъ. Впрочемъ о. Антоній, окончивши свое преподаваніе по практическому богословію, самъ сдѣлалъ такое замѣчаніе о своихъ лекціяхъ по этому предмету: „Я указалъ вамъ разные практическіе пути ко спасенію; но совѣтую придерживаться болѣе пути царскаго, ибо не всѣ могутъ вмѣщать въ своей жизни словесъ тѣхъ; могій вмѣстити да вмѣститъ“. Что же касается преподаннаго намъ о. Антоніемъ пастырскаго богословія, то въ немъ выясненъ истинный идеалъ пастыря церкви и указаны разные частные совѣты, для осуществленія этого идеала; но такіе совѣты преподавателя-монаха отличались болѣе характеромъ теоретическимъ и въ практической живни не всегда были удобоисполнимы и вѣрно направлены къ цѣли.¹⁾

¹⁾ Впослѣдствіи, когда, по выбору духовенства, ректорами духовныхъ семинарій стали назначать протоіереи, нельзя было не ви-

Преподавателем *гомилетики* былъ у насъ только что окончившій кiev. духов. академію М. М. Б., и нынѣ еще проживающій въ Кіевѣ, давно уже пребывающій въ званіи весьма заслуженнаго протоіерея. Будучи студентомъ академіи, онъ былъ весьма близокъ и даже любимецъ знаменитаго тогда профессора академіи по кафедрѣ гомилетики, Я. К. Амфитеатрова. Взглядомъ, можетъ быть, этого профессора на проповѣди руководился и М. М. Б. Въ качествѣ нашего преподавателя по гомилетицѣ, М. М. Б. цѣнилъ въ проповѣди простоту слога, ясность, точность и логическую послѣдовательность въ изложеніи мыслей и, какъ особенное достоинство, народность проповѣди, и оберегалъ отъ подражанія коринейскъ заграничной проповѣди, какъ то: Масиль-ену, Бурдалу и другимъ имъ подобнымъ.

Преподавателемъ *патрологии* былъ у насъ Н. Я. О.,—человѣкъ роста высокаго и души возвышенной; онъ до того былъ деликатенъ въ обращеніяхъ съ своими учениками, что рѣдко когда и провѣрялъ знанія своихъ слушателей. Какъ часто случается, мягкосердечіемъ и добротою Н. Я. воспитанники часто злоупотребляли: уроки его очень часто пропускались многими. Передавали, что былъ даже такой случай, что Н. Я., явившись однажды на урокъ, засталъ въ классѣ только одного слушателя, Н. Я., по близорукости-ли, или по добротѣ, посвятилъ цѣлый часъ на объясненіе урока передъ однимъ слушателемъ и, по окончаніи урока, ушелъ изъ класса, какъ и всегда спокойный. ¹⁾

дѣтъ да и не слышать отзывы отъ другихъ, что воспитанники ректоровъ-протоіереевъ оказывались разностороннѣ подготовленными къ прохожденію ими пастырскаго служенія, особенно тѣ, которымъ выпадалъ удѣлъ нести бремя пастыря духовнаго не въ сельскихъ приходахъ.

¹⁾ Благородство и великодушіе Н. Я. я испыталъ лично на себѣ по слѣдующему случаю. Въ богословскомъ классѣ постигшая меня хроническая глазная болѣзнь лишила меня возможности посѣщать классные уроки весьма продолжительное время. Но находясь все это время въ семинарской больницѣ и имѣя въ ней товарища своего, смотрителя больницы, я, при помощи его, готовилъ уроки къ

Преподавателемъ общей церковной исторіи, русской церковной исторіи, обрядословія и каноническаго права былъ у насъ Е. С. Г. Долгъ справедливости требуетъ сказать, что онъ, какъ преподаватель, былъ человѣкъ весьма трудолюбивый и усердный къ исполненію этого своего долга; но ни способностей особенныхъ умственныхъ вообще, ни спеціальныхъ познаний по порученнымъ ему предметамъ не проявлялъ; а такъ какъ по своей природѣ былъ раздражителемъ, то въ своихъ отношеніяхъ къ ученикамъ былъ очень рѣзокъ, а потому не пользовался и со стороны ихъ расположеніемъ. Вслѣдствіе сего часто и они допускали по отношенію къ нему крайне неприличныя выходки. Такъ напр., однажды когда Е. С., во время своихъ совѣтовъ ученикамъ заниматься усердно церковною исторіей, употребилъ выраженіе, — „церковная исторія важна, какъ сама по себѣ, такъ и по своему содержанію,“ то сплошныя массы учениковъ, вслѣдъ за этимъ выраженіемъ, поднявшись со скамеекъ и поднявши вверхъ учебники по церковной исторіи и указывая на переплеты книгъ, стали спрашивать Е. С., не значитъ ли это церковная исторія сама по себѣ? а потомъ, перелистывая страницы того же учебника, зашумѣли вопросами: „а это по своему содержанію?“ На урокъ по каноническому праву былъ такой случай. Когда Е. С. пришлось объяснять таблицу родства по учебнику прот. И. М. Скворцова, то онъ, по разсказамъ его квартиранта, ученика богословскаго класса, просидѣлъ цѣлую ночь надъ изученіемъ этой таблицы. Потомъ, явившись на урокъ, С. Е. нарисовалъ было сначала эту таблицу на доскѣ

каждому классу. Посему, когда время подходило къ выпускнымъ экзаменамъ, я явился на послѣдніе уроки, въ томъ числѣ и на урокъ по патрологіи; оставшись въ корридорѣ у класса, до прихода Н. Я., я попросилъ его провѣрить мои знанія по патрологіи, на что онъ сказалъ: «хорошо, пожалуйста въ классъ». Въ классѣ онъ меня не подвергнулъ провѣркѣ, а между тѣмъ на экзаменѣ оказалось, что Н. Я. оставлялъ меня по своему предмету подъ прежнимъ вторымъ номеромъ въ разрядномъ спискѣ.

правильно и, обратившись къ ученикамъ, спросилъ, понятно ли все начерченное на доскѣ? Въ моментъ поворота отъ доски одинъ изъ учениковъ, стоявшій близъ нея, стеръ весь чертежъ, а ученики, сидѣвшіе на скамьяхъ, сказали, что еще не поняли, и попросили Е. С. еще разъ объяснить. Е. С., обернувшись къ доскѣ и замѣтивъ, что вся таблица родословной стерта, такъ смѣшался, что, какъ ни старался начертить ту же таблицу вторично, не могъ воспроизвести ее въ прежнемъ видѣ. И послѣ сего Е. С. ужъ болѣе не принимался писать эту таблицу на доскѣ и разъяснять ее, такъ что она и осталась навсегда отъ него неразъясненною ученикамъ.

Конечно, такіе, сейчасъ приведенные мною, факты отношенія питомцевъ къ своему наставнику будутъ строго осуждены серьезными педагогами; по въ смягченіе вины питомцевъ, моихъ товарищей по классу, не сказать ли мнѣ по крайней мѣрѣ того, что молодая натура очень болѣзненно воспринимаетъ всякое тяжелое и строгое на нее воздѣйствіе и, по своей игривости, она способна въ отвѣтъ на это къ своеобразной изобрѣтательности, поясняя тѣ факты еще и тѣмъ, что сколько былъ высокъ по тѣлесному корпусу, возвышенъ и благороденъ по душѣ нашъ преподаватель патрологіи, столько діаметрально противоположенъ былъ относительно сего Е. С. Г. ¹⁾

¹⁾ Неблагородство Е. С. Г. пришлось и мнѣ испытать относительно меня самого. Дѣло было такъ: проболѣвъ очень долгое время богословскаго курса, я, хотя большую часть этого времени не могъ явиться въ классы, для слушанія уроковъ, но, болѣя хроническою главною болѣзнію, не лишень былъ возможности знакомиться съ читаемыми въ классѣ уроками, посредствомъ чтенія мнѣ записокъ классныхъ уроковъ, моихъ товарищей по классу, то при помощи родного моего брата, когда оставался въ квартирѣ, то при помощи смотрителя семинарской больницы, когда поступилъ въ нее, и потому, когда приближалось время къ окончательнымъ выпускнымъ экзаменамъ пзъ богословскаго класса, и такъ-же, какъ явился къ преподавателю патрологіи, явился предъ послѣднимъ урокомъ въ предклассномъ корридорѣ и къ Е. С. Г., прося его на этомъ урокъ провѣрить мои знанія по преподавае-

Преподавателемъ *медицины* у насъ въ высшемъ отдѣленіи назначенъ былъ академикъ, заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ П. П. Целехинъ,—человѣкъ весьма уже пожилой. ¹⁾

мнѣ имъ предметамъ. Онъ также обѣщалъ спросить, но не спросилъ; а между тѣмъ, какъ оказалось уже на экзаменѣ, вотъ что онъ слѣдалъ. На экзаменѣ предсѣдательствовалъ въ качествѣ ревизора ректоръ Академіи архим. Димитрій. Послѣ моего отвѣта, по выпавшему мнѣ билету, ревизоръ предложилъ мнѣ взять еще два билета. Когда я отвѣтилъ и по этимъ, ревизоръ спросилъ Е. С. въ полголоса, такъ что и я могъ разслышать, стоя у экзаменаціоннаго столика, почему онъ помѣстилъ меня такъ низко по разрядному списку, 9-тымъ? Затѣмъ ревизоръ заставилъ меня пересказать содержаніе конспекта изъ записокъ Е. С. по обрядословію. Послѣ моей передачи содержанія самодѣльныхъ записокъ Е. С. по обрядословію, ревизоръ спросилъ меня: «что скажете объ этомъ конспектѣ? Я сказалъ, что конспектъ очень сбивчивъ и не имѣетъ надлежащей системы. Ревизоръ улыбнулся и кивнулъ мнѣ головою, какъ бы въ знакъ согласія. Такимъ образомъ сама судьба привела и меня учинить своего рода отместку Е. С., хотя какъ читатель видитъ безъ всякаго моего преднамѣренія.

¹⁾ Вотъ что передавали намъ изъ его прежней службы. Послѣ преобразованія старой Кіев. академіи въ семинарію, П. П., какъ способнѣйшій, въ числѣ другихъ двухъ или трехъ преподавателей старой кіевск. академіи, былъ оставленъ въ качествѣ преподавателя для новой кіевск. семинаріи. Но такъ какъ П. П. изъ могиланской академіи перенесъ съ собою во вновь открытую семинарію и свой костюмъ,—длинный до пятъ сюртукъ и длинную головную косу—и съ ними не разставался, то пріѣхавшіе изъ Петербурга молодые преподаватели начали надъ нимъ подшучивать. Задѣтый за живое этими шутками новыхъ своихъ товарищей, П. П. бросилъ преподавательскую службу въ семинаріи, переѣхалъ въ Петербургъ, поступилъ студентомъ въ военную медико-хирургическую акад., окончилъ въ ней курсъ ученія съ золотою медалью, отправился за границу для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ, по возвращеніи изъ-заграницы долго служилъ въ Петербургѣ, гдѣ дослужился до званія академика, заслуженнаго профессора и чина ст. совѣта. Въ маститой старости возиратился въ Кіевъ и здѣсь чрезъ посредство митрополита

Начало своихъ чтеній по медицинѣ П. П. предварилъ длиною вступительною рѣчью на латинскомъ языкѣ. Мы, понятно, безмолвно внимали, и большинство слушателей ровно ничего не поняли изъ длиннѣйшей рѣчи П. П., такъ какъ, съ введеніемъ преподаванія предметовъ въ семинаріи на русскомъ языкѣ, познанія учениковъ по латинскому языку слабѣли съ каждымъ годомъ, а въ богословскомъ классѣ значительная часть учениковъ была уже совсѣмъ слаба по этому языку. Самое преподаваніе медицины велось уже и П. П. на русскомъ языкѣ. Что касается характера преподаванія намъ П. П. медицины, то надежды наши на этого заслуженнаго профессора далеко не оправдались, такъ что намъ пришлось очень сожалѣть о прежнемъ нашемъ преподавателѣ И. Т. Щербинѣ. Да оно и понятно. П. П., заслуженному отставному профессору, старику, необходимъ уже былъ отдыхъ послѣ продолжительныхъ серьезныхъ трудовъ; между тѣмъ какъ И. Т. былъ еще человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ,—человѣкъ, съ жаромъ изучавшій науку и съ любовью дѣлившійся своими познаніями съ будущими врачами душъ, идеально стараясь подготовить ихъ, по мѣрѣ возможности, къ умѣнью врачевать и тѣла.

Уроки П. П. проходили зачастую въ разсказахъ его намъ изъ его заграничной жизни, въ изображеніи внѣшняго вида, особенно громадности головъ знаменитостей заграничной медицинской мудрости, нравовъ и обычаевъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, особенно англичанъ, которыхъ П. П. прекрасно зналъ, такъ какъ и жену онъ имѣлъ англичанку; много разсказывалъ и о своей семейной жизни, о разныхъ эпизодахъ изъ своей жизни въ Петербургѣ и т. п. ¹⁾

кіевск. Филарета и его племянника, ректора семин. архим. Автонія, былъ назначенъ преподавателемъ медицины вмѣсто И. Т. Щербинны и врачомъ въ больницахъ академической, семинарской и кіево-подольскаго дух. училища.

¹⁾ Небезынтереснымъ счтяю передать одинъ забавный случай, происшедшій на публичномъ экзаменѣ, при выпускѣ насъ изъ богословскаго класса. На этомъ экзаменѣ по медицинѣ одинъ изъ учени-

Въ заключеніе своихъ воспоминаній о времени обученія своего въ кiev. дух. семинаріи скажу нѣсколько словъ о трогательномъ нашемъ прощаніи, по окончаніи семинарскаго курса,

ковъ отвѣчалъ о значеніи сна для человѣка. Мптр. Филаретъ предложилъ отвѣчавшему вопросъ: «полезно ли спать послѣ обѣда?» Ученикъ отвѣтилъ, что вредно, придерживаясь мнѣнія объ этомъ П. П., такъ какъ онъ часто такъ выражался во время своихъ уроковъ. Владыка возразилъ: «а я, если не посилю послѣ обѣда, то и ночью не могу спать». П. П., желая поддержать ученика, послѣ возраженія владыки о пользѣ послѣобѣденнаго сна, обратился къ этому ученику съ такимъ вопросомъ: а скажите, господинъ, что дѣлаютъ животныя, какъ наѣдаются? Несметливый ученикъ торопливо отвѣтилъ: «животныя, особенно нечистыя, какъ наѣдаются, сейчасъ же и на бокъ валяются у корита». Такой отвѣтъ, понятно, привелъ всѣхъ въ смущеніе, но владыка мудро нашелся и сказалъ: «вы хотите опровергнуть меня тѣмъ, что только животныя, наѣвшись, предаются сну; а человѣкъ не животное? Животныя слѣдуютъ инстинкту, вложенному въ нихъ Творцемъ ихъ, поэтому и поступаютъ правильно; а вы своимъ мудрованіемъ извращаете этотъ законъ природы. Этимъ замѣчаніемъ въ шутиломъ тонѣ владыка смигнулъ неловкость и выраженіи П. П., и выраженіи отвѣчавшаго ученика.

Не смотря на упомянутые мною недостатки П. П. по преподаванію намъ медицины, не могу не упомянуть его моею личною глубокою благодарностію за его мудрый и отеческій совѣтъ мнѣ, произведенный въ томъ, что онъ отклонилъ меня отъ поступленія студентомъ въ кievск. духовную академію. Не смотря на продолжительную мою болѣзнь, во время которой я большую часть времени въ богословскомъ отдѣленіи провелъ, то въ отпускѣ въ деревню, въ домѣ своихъ родителей, то въ больницѣ,—о. ректоръ все таки хотѣлъ непременно послать меня казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ кievск. же дух. акад.; неоднократно освѣдомлялся у П. П. о моемъ здоровьѣ, желая, чтобы я поступилъ въ академію, даже не оправившись еще окончательно отъ постигшей меня глазной болѣзни. Но П. П. отцовски-участливо заявилъ мнѣ, что моя болѣзнь, при серьезныхъ научныхъ занятіяхъ, неизбежно будетъ возобновляться и ожесточаться и что въ концѣ концовъ она можетъ привести къ совершенной потерѣ зрѣнія. Въ виду этого П. П. посоветовалъ мнѣ навсегда оставить мысль объ академіи в поступить на службу, и притомъ на такую, которая менѣе всего требуетъ напряженія глазъ.

съ своимъ уважаемымъ начальникомъ и наставникомъ о. ректоромъ, архим. Антоніемъ.

Выпускные экзамены, на которыхъ присутствовалъ о. ректоръ Академіи, окончились благоуспѣшно. Въ академію назначено было изъ нашего выпуска три студента, два изъ отдѣленія о. ректора,—однимъ изъ которыхъ былъ мой младшій братъ,—и одинъ изъ отдѣленія о. инспектора.

По прочтеніи разрядныхъ списковъ выпускныхъ, мы собрались всѣ, по предложенію о. ректора, въ богословскій классъ. Явившись въ классъ, о. ректоръ прошелся молчаливо нѣсколько разъ по классу, подавляя въ себѣ явственно волновавшія его чувства, и наконецъ обратился къ намъ съ такою приблизительно рѣчью:

„По мѣрѣ силъ моихъ, при помощи Божіей, я употребилъ все зависящее отъ меня, чтобы приготовить васъ быть достойными кандидатами священства,—быть мужами совершенными. Теперь, за исключеніемъ двухъ-трехъ, вы должны вступить въ жизнь самостоятельную, руководиться въ ней собственнымъ умомъ и тѣми началами, которыя я старался внушить вамъ и укрѣпить ихъ въ васъ со всею пламенною ревностью и благожелательствомъ. Утѣшаюсь надеждою, что вы оправдаете эту мою надежду на васъ и послужите въ пользу церкви, во спасеніе будущихъ духовныхъ чадъ вашихъ, а также и въ честь сего учебнаго заведенія, на какихъ бы поприщахъ ни пришлось вамъ трудиться. Благодетельное и благополезное служеніе ваше на пользу церкви скрѣпитъ нашу теперешнюю духовную связь и на будущее время; тѣмъ болѣе, что большинству изъ васъ придется проходить пастырское служеніе недалеко отъ Кіева, гдѣ и я нахожусь. Вы можете, и даже совѣтую вамъ, во время исполненія своего пастырскаго служенія, обращаться ко мнѣ,прежнему вашему руководителю, за совѣтами и посильною помощію во всѣхъ тѣхъ трудныхъ случаяхъ, съ которыми часто придется имѣть дѣло пастырямъ церкви. Вѣрю судьбу вашу Промыслу Божію; Той васъ да укрѣпитъ, да умудритъ, и удостоитесь стяжать вѣнцы въ небесномъ славномъ царствіи Го-

спода Бога и Спаса нашего І. Христа, послѣ усердныхъ трудовъ вашихъ въ настоящемъ царствѣ Его благодатномъ“...

Подъ конецъ рѣчи голосъ о. ректора сталъ прерываться; слезы струились изъ его глазъ, а мы проливали цѣлые потоки ихъ.

По окончаніи этой трогательной для всѣхъ рѣчи, мы по одиночѣ стали подходить къ о. ректору за благословеніемъ, которое сопровождалось трогательными поцѣлуями съ каждымъ изъ насъ. Получивъ благословеніе, я палъ на скамью, обнялъ ее обѣими руками и такъ нервно рыдалъ, что обратилъ на себя вниманіе о. ректора, все еще прощавшагося съ учениками. Изъ класса мы проводили о. ректора, послѣ прощанія съ нимъ, чрезъ верхній корридоръ, —дальше онъ не позволилъ сопровождать его. Послѣ этого снова всѣ вернулись въ прежнюю комнату, и началось прощаніе между товарищами. Сцена эта такъ разстроила мои нервы и болѣзненные глаза, что я, вышедши изъ семинарскаго корпуса, едва могъ разобрать дорогу къ своей квартирѣ, и хотя по пути къ квартирѣ пришлось пройти нѣсколько улицъ, но я никого не видѣлъ и какъ бы даже и не встрѣчалъ проходившихъ по этимъ многлюднымъ улицамъ. Еще трогательнѣе была разлука моя съ младшимъ моимъ братомъ, когда онъ послѣ каникулярнаго времени долженъ былъ безъ меня отправляться для поступленія студентомъ въ кievск. духовную академію. Съ нимъ я одновременно изучалъ грамматику, часословъ, псалтирь, гражданскую печать; вмѣстѣ же съ нимъ, нигдѣ не разлучаясь, мы прошли всѣ классы дух. училища и семинаріи и никогда не удалялись другъ отъ друга даже по разрядному списку. Мы какъ бы инстинктивно чувствовали, что съ этимъ нашимъ разлученіемъ, мы разлучаемся и въ своихъ жизненныхъ поприщахъ; онъ поступалъ туда, куда, при искреннемъ своемъ желаніи, я не могъ поступить по слабости зрѣнія. Много дней до разлуки окончательной мы провели въ саду въ слезахъ. Въ день выѣзда брата въ Кіевъ мы въ томъ же саду такъ плакали, крѣпко обнявши одинъ другого, что только внушительный голосъ отца заставилъ насъ выпустить другъ друга изъ объятій, когда уже и лошадей подали къ отъѣзду.

УП.

Воспоминанія мои о Духовно-учебной моей службѣ за время священства моего въ двухъ приходахъ Кіевской Епархіи до времени выбытія моего въ Привислянскій Край.

По волѣ Божіей не суждено мнѣ было по окончаніи курса семинаріи поступить въ академію для полученія высшаго образованія, и я, простившись съ меньшимъ братомъ Теофаномъ, пробылъ въ домѣ родительскомъ нѣсколько мѣсяцевъ, посвятивъ это время исключительно на лѣченіе постигшаго меня хроническаго воспаленія глазъ. Получивъ нѣкоторое облегченіе отъ сей болѣзни, я явился къ о. ректору семинаріи, архимандриту Антонію, за совѣтомъ, что мнѣ дѣлать, и онъ посоветовалъ мнѣ поступить учителемъ Кіево-Софійскаго училища, чтобы черезъ два года поступить волонтеромъ въ академію. На это я отвѣтилъ, что при кіевской жизни хроническая моя болѣзнь можетъ возобновиться, а посему признаю за лучшее для себя—эти два года провести въ богуславскомъ духовномъ училищѣ, находящемся въ санитарномъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ, сравнительно съ прочими училищами. Онъ согласился со мною и обѣщалъ въ скоромъ времени открыть въ этомъ училищѣ учительскую ваканцію исключительно для меня, которую скоро я и занялъ. По истеченіи этихъ двухъ лѣтъ, я явился въ Кіевъ и сдалъ экзаменъ, но, увы по окончаніи экзаменовъ до открытія академическихъ лекцій мнѣ пришлось уже попасть въ академическую больницу, въ которую для освидѣтельствованія благонадежности здоровья студентовъ новаго академическаго курса командированъ былъ П. П. Здѣсь, въ больницѣ, онъ убѣдилъ меня оставить мысль объ академіи окончательно, разъ навсегда. Вслѣдствіе такого его совѣта я отправился къ тогдашнему ректору академіи, архимандриту Димитрію и заявилъ ему самъ о неблагонадежности своего здоровья и, несмотря на его

перѣшительность удовлетворить моей просьбѣ, испросилъ у него свои документы. Вручая документы, о. ректоръ сказалъ мнѣ: „Очень жаль“. Возвратился я, волею судьбы, въ Богуславъ опять на учительское мѣсто. Въ непродолжительное послѣ сего время прѣхалъ ко мнѣ отецъ мой и объявилъ мнѣ, что подыскалъ для меня подходящую невѣсту, дочь Звенигородскаго уѣзднаго протіерея о. Симеона Ясинскаго. Черезъ недѣлю послѣ этого, неожиданно для меня прѣхала ко мнѣ тетушка моя по матери съ мужемъ своимъ протоіеремъ г. Липовца И. Д. Шабатовичемъ, и предложила мнѣ обязательно проѣхаться съ ними къ ихъ ближайшему родственнику въ с. Дыбинци, въ 10 вер. отъ Богуслава, на храмовой праздникъ (14 сен.). Въ позднюю вечернюю пору, когда я уже собирался уѣзжать изъ Дыбинецъ, она объявила мнѣ, что въ г. Липовцѣ открылось праздное священническое мѣсто, на которое совѣтовала мнѣ подать прошеніе и сдать ей на руки для удобнѣйшаго отправленія въ Кіевъ. Я уклонился подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что такъ наскоро не могу составить прошенія. Тогда она сама настрочила красивымъ почеркомъ прошеніе и предложила мнѣ только подписаться,—что я изъ угожденія ей и сдѣлалъ. Взявши на руки прошеніе, она не замедлила отправить его куда слѣдуетъ. Въ скоромъ времени послѣ сего получаю изъ Кіева письмо отъ своего брата Петра Гавриловича такого содержанія: „Митрополитъ Филаретъ призывалъ меня къ себѣ и объявилъ, что ты подалъ прошеніе на второе священническое мѣсто при соборной церкви г. Липовца, и хотя не имѣетъ законнаго основанія отказать тебѣ въ зачисленіи за тобою того мѣста, но находитъ для себя затрудненіе къ удовлетворенію твоей просьбы въ томъ обстоятельствѣ, что, не предвидя сего, возвелъ на это мѣсто своего внука, нѣкоего Солнышкина, который состоитъ тоже учителемъ Елецкаго духовнаго училища Орловской губерніи, и онъ отъ него получилъ уже письмо, что внукъ сей находится уже въ дорогѣ. И такъ, спросилъ меня владыка, можете-ли вы, какъ старшій братъ, дать согласіе за своего брата, что онъ не будетъ претендовать на меня за то, что мною будетъ зачислено

липовецкое мѣсто при соборѣ за моимъ внукомъ?. Я за тебя поручился, и владыка сказалъ, что по своему усмотрѣнію дастъ тебѣ хорошее мѣсто“. Въ скоромъ времени я получилъ оффиціальное увѣдомленіе о назначеніи меня, безъ моего прошенія, на священническое мѣсто въ с. Лузановкѣ, Черкаскаго уѣзда. Женившись на дочери Звенигородскаго протоіерея, въ виду наступающаго великаго поста, поспѣшилъ я выѣздомъ своимъ въ Кіевъ для рукоположенія во священники. Явившись къ митрополиту, я имѣлъ дерзновеніе спросить его о причинѣ немилости его ко мнѣ, выразившейся въ назначеніи меня священникомъ не въ городѣ, или мѣстечко, а въ село. Владыка отвѣтилъ на это: „У меня, здѣсь на Печерскѣ, есть, могу сказать, не то что хорошій знакомый, а другъ мой, корпусный командиръ, генераль Красовскій, очень благочестивый старикъ, дочь котораго въ замужествѣ за помѣщикомъ с. Лузановки, его однофамильцемъ. У тѣхъ господъ Красовскихъ имѣется большая семья въ возрастѣ, требующемъ серьезнаго воспитанія, а они, въ качествѣ учителей и воспитательницъ, назвали къ себѣ Богъ вѣсть какихъ лицъ—студентовъ университета, англичанокъ, нѣмокъ, французенокъ,—поэтому дѣдушка дѣтей Красовскихъ сильно беспокоится за правильность воспитанія тѣхъ русскихъ православныхъ дѣтей и давно проситъ меня назначить въ с. Лузановку такого священника, который былъ-бы способенъ принять участіе въ воспитаніи его внуковъ и внучекъ. И вотъ я, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что бывший настоятель Лузановской церкви, старикъ протоіерей Іеремія Обыдовскій, перешелъ въ г. Чигиринъ, назначилъ тебя въ с. Лузановку, въ той надеждѣ, что ты окажешься полезнымъ для Красовскихъ“. Я попробовалъ было возражать противъ назначенія меня въ Лузановку, но владыка, видимо, остался недоволенъ этимъ и предложилъ секретарю своему, которому далъ пачку бумагъ, проводить меня къ преосвященному Апполинарію, викарію кіевской митрополіи. На извозикѣ подъѣхали мы къ Михайловскому монастырю и пошли къ преосвященному. Въ пріемной секретарь оставилъ меня одного, а самъ пошелъ въ покои преосвященнаго, отъ котораго скоро

возвратился и уѣхалъ. Когда вышелъ преосвященный, то обратился ко мнѣ съ такими словами: «Владыка митрополитъ, въ виду наступающаго великаго поста (а это было на сырной седмицѣ), поручилъ мнѣ завтра рукоположить васъ во діакона, а послѣзавтра во священника, чтобы вы могли прибыть на приходъ, по крайней мѣрѣ, на второй недѣлѣ великаго поста. Я началъ было объяснять, что къ завтрашнему дню я не готовъ, такъ какъ у меня не сшита была ряса и кафтанъ; но владыка замѣтилъ, что у него въ монастырѣ найдутся и расы и кафтаны. По предложенію преосвященнаго, келейникъ его проводилъ меня къ какому-то іеромонаху, въ келію котораго принесены были для меня черная ряса и такого-же цвѣта кафтанъ, а вмѣстѣ съ ними и поясъ усмень на чресла мои. У этого іеромонаха на жесткомъ ложѣ я и переночевалъ, а слѣдующаго дня въ крестовой архіерейской церкви рукоположенъ во діакона, а на слѣдующій день во іерея. Затѣмъ со врученными мнѣ бумагами отправился я къ настоятелю Кіево-Притиской Николаевской церкви, о. протоіерею Іоакиму Орлову, для практическаго изученія богослуженія. Вышедши изъ Михайловскаго монастыря, я, въ монашескомъ облаченіи, окольными путями пробрался въ квартиру, за канавою, своего брата, наставника Кіевской дух. семинаріи. Когда я появился въ томъ облаченіи въ залъ и меня первая увидала жена его, то всплеснула руками и кликнула своего мужа: „посмотри, Петръ Гавриловичъ, въ какомъ маскарадѣ пожаловалъ къ намъ Андрей Гавриловичъ“. Братъ мой, не зная, что я уже рукоположенъ,—такъ какъ эти двѣ ночи провелъ въ монастырѣ,—строго замѣтилъ мнѣ—„что это за маскарадъ!“ Такъ выразился по тому, что за два дня передъ симъ, по случаю масленицы, въ маскарадномъ видѣ являлись въ квартиру его, въ которой и я помѣстился, студенты кіевскаго университета, родственники жены его, съ нѣкоторыми знакомыми барышнями. Я извинился передъ ними за продолжительное отсутствіе изъ квартиры ихъ и рассказалъ имъ всю исторію своего быстрого посвященія. Практическое изученіе богослуженія начато мною въ Притиско-Николаевской церкви съ понедѣльника первой седмицы великаго поста и окончено въ субботу.

За принятієм ставленнической грамоты изъ святительскихъ рукъ митрополита Филарета прибылъ я, по особому увѣдомленію секретаря его, въ Кіево-Печерскую лавру зъ 8 часовъ утра, въ первое воскресеніе четырехдесятницы, а въ 9 вошелъ въ пріемную. Карета митрополита стояла у подъѣзда; онъ самъ, одѣтый въ полную форму и готовый къ отъѣзду въ Кіево-Софійскій соборъ для совершенія литургіи въ недѣлю православія, сидѣлъ на диванѣ. Преподавъ мнѣ благословеніе и вручивъ ставленническую грамоту, какъ бы угадывая мои мысли, обратился ко мнѣ съ такими знаменитыми словами: „Ты противился прежде сдѣланному мною назначенію о тебѣ, можетъ быть и теперь еще хочешь сказать, что-то вопреки; но я скажу тебѣ, что судьба всякаго человѣка зависитъ отъ воли Божіей, а судьба пастырей совершается по волѣ Божіей волею архипастырей. Пойми сіе. Касательно нехоты твоей идти пастыремъ въ Лузановку, я скажу тебѣ теперь только то, что при объѣздѣ епархіи я былъ самъ тамъ, литургисалъ, ознакомился съ дворомъ помѣщичьимъ и увѣренъ былъ, что не останешься въ обидѣ отъ моего назначенія; за подробностями совѣтую тебѣ обратиться къ о. ключарю, бывшему со мною въ Лузановкѣ“. За симъ владыка, поднявшись къ выходу, еще осѣнилъ меня крестнымъ знаменемъ. По выслушаніи литургіи въ Софійскомъ соборѣ, я отправился къ о. ключарю, протоіерею Сухобрусову, и онъ, расписавши Лузановскую церковь, хоръ пѣвчихъ, дворецъ помѣщичій и многое другое въ самомъ лучшемъ видѣ, окончилъ свой панегирикъ тѣмъ, что еслибъ владыка далъ ему Лузановскій приходъ, то и сегодня отправился бы туда.

Описаніе Лузановскаго прихода, сдѣланное мнѣ въ Кіевѣ, вполне отвѣчало дѣйствительности: церковь каменная, просторная, величественная; резонансъ въ ней такой сильный, что и при слабости голоса, я дѣлалъ прекрасные возгласы; звукъ колоколовъ сильный, мелодичный, хоръ пѣвчихъ превосходный, ризница богатая, клирики—діаконъ и дьячокъ обладали хорошимъ голосомъ. На богослуженіе, кромѣ помѣщичьей семьи, нерѣдко пріѣзжали изъ ближайшихъ мѣстъ отставные генералы—

Дризень, Гревсъ, Бѣлокопытовъ. Красовскіе пригласили меня для преподаванія ихъ дѣтямъ Закона Божія и русской и гражданской исторіи. Года черезъ два глава этого семейства умеръ, спустя еще три года—двѣ дочери Красовскихъ вышли замужъ, два сына поступили въ кадетскіе корпуса, мать же ихъ большую часть времени проводила то въ Кіевѣ, то за границей,—отчего положеніе мое измѣнилось. Преосвященный викарій Апполинарій при обзорѣннѣ церквей, по ревизіи Лузановской церкви, зашелъ ко мнѣ въ домъ и сказалъ, что, по порученію Высокопреосвященнѣйшаго владыки, хочетъ знать, какъ мнѣ поживается въ Лузановкѣ. Я отвѣтилъ, что при измѣнившихся обстоятельствахъ желалъ бы перейти на другой приходъ.

Не прошло и года послѣ сего, какъ я по случаю страшнаго волненія крестьянъ, особенно въ Корсунщинѣ, т. е. въ громадномъ имѣніи князя Лопухина, а преимущественно въ Спасскомъ приходѣ, за смертью священника Спасской церкви м. Корсуни, скончавшагося въ самый разгаръ этого волненія,—помимо всякаго своего прошенія, орденомъ митрополита Кіевскаго Филарета былъ назначенъ священникомъ Спасской церкви м. Корсуни. Ордеръ о семъ мѣстнымъ благочиннымъ былъ препровожденъ мнѣ, несмотря на 50-ти верст. разстояніе, въ тотъ же день нарочнымъ, съ предписаніемъ немедленно явиться къ мѣсту своего назначенія. Я прибылъ на новое мѣсто, когда, такъ сказать, потоки крови крестьянской, пролитой высланными изъ Кіева воинскими командами, были еще свѣжи, и какъ владѣлецъ Корсунскихъ имѣній, такъ особенно Корсунская паства были рады миротворцу—новому священнику. Объ удачной миссіи моей касательно умиротворенія съ похвалою отзывался, посѣщая м. Корсунъ, митрополитъ Кіевскій Арсеній, уже по выбитіи моемъ въ Царство Польское.

Положеніе мое во время священства моего въ Корсунско-Спасской церкви было самою счастливѣйшею порою въ моей жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Церковь нерукотвореннаго образа Христа Спасителя, огромная по размѣрамъ, съ каменною же въ 4 яруса колокольнею и часами на 3-мъ ярусѣ, бой которыхъ

производился въ 150 пудовый колоколъ, была архитектуры рѣд-кой. Посѣщавшій ее въ мое время одинъ знаменитый художникъ изъ Петербурга дивился смѣлости возведенія громаднaго купола на ней въ 16 большихъ оконъ безъ столбовъ внутри церкви лодъ нимъ. Генераль-Губернаторъ Кіевскій, Н. Н. Анненковъ, осматривавшій ее въ первый разъ посѣщенія ея въ будничнyй день, въ личномъ присутствіи моемъ, находилъ въ ней сходство съ храмомъ св. Петра и Павла въ Римѣ. Въ мраморномъ иконостасѣ надъ Царскими вратами висѣла икона Тайной вечери Господней—копія Винчи; всѣ образы въ иконостасѣ въ нижнихъ ярусахъ были писаны рукою художника Шубуева—въ Петербургѣ. Митрополитъ Кіевскій Исидоръ, пріѣзжавшій въ Корсунъ при мнѣ, попросилъ князя Лопухина снятъ посредствомъ его художника копію съ образа Св. ап. Павла для какой-то строившейся церкви въ имѣніи графовъ Браницкихъ, кажется, въ м. Бѣлой Церкви на Зарѣчѣ; но графомъ Браницкимъ былъ командированъ для снятія копій какой-то художникъ, находившійся при университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ. Архитектурность постройки Корсунско-Спасской церкви и художественность живописи иконостаса зависѣли отъ того, что строителемъ сей церкви былъ отецъ князя Петра Павлов. Лопухина, Петръ Васильевичъ Лопухинъ, предсѣдатель Государств. Совѣта при импер. Павлѣ I, ворочавшій всѣми дѣлами государственными и имѣвшій вліяніе и на всѣхъ лицъ, понадобившихся ему при постройкѣ церкви. Богатая ризница прежняго времени была часто пополняема выпискою на средства князя Лопухина изъ Москвы облаченій новыхъ. Для благолѣпія церковнаго богослуженія содержимъ былъ на счетъ князя хоръ, состояшій изъ разныхъ голосовъ (воихъ я, по предложенію князя, выписывалъ изъ разныхъ мѣстностей); хоръ обходился князю въ годъ 12 тысячъ рублей, несмотря на то, что мальчики для пѣнія были изъ музык. княж. школы; и даже нѣкоторые изъ басовъ были изъ той же школы. Кромѣ діакона изъ штатнаго причта, князь на свой счетъ содержалъ за довольно высокую плату сверхштатнаго діакона, весьма представительной наружности. Самъ митрополитъ Исидоръ при посѣщеніи Кор-

сукско-Спасской церкви, былъ восхищенъ пріемъ княжескаго хора, а также какъ внѣшностью, такъ и голосомъ вольнонаемнаго діакона. Мой духовный сынъ, свѣтлѣйшій князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ, родной внукъ императора Петра Великаго, клонилъ свою сѣдую голову, принималъ отъ меня благословеніе, гдѣ-бы я ни являлся съ нимъ, и вообще считалъ ко мнѣ глубокое уваженіе ¹⁾. По собственному своему вызову онъ былъ крестнымъ отцемъ всѣхъ моихъ дѣтей во время 12-ти лѣтняго священства моего въ Корсунѣ,—вызывая заблаговременно до родовъ лучшихъ акушеровъ изъ Москвы, и одѣляя щедро золотомъ монетою родившую и рожденное послѣ его крещенія. Дарилъ для кормленія своихъ крестниковъ и крестницъ голландскихъ коровъ, а мнѣ, для разъѣзда, по благочиннической и наблюдательской должности, по ста приходскимъ школамъ Каневского уѣзда, уступалъ по весьма уменьшеннымъ цѣнамъ изъ своего завода экипажныхъ лошадей. Даже и нѣсколько экипажей было сдѣлано по очень удешевленной цѣнѣ въ его мастерскихъ. Квартира моя, какъ и прежде удобно имъ устроенная и обширная по числу комнатъ, ежегодно ремонтировалась и подновлялась внутри окраскою стѣнъ, потолковъ, оконъ и дверей дворскими его людьми и красками изъ его двора, соответствующими назначенію каждой комнаты. Однажды, по случаю возбужденія вопроса главно-управляющимъ о томъ, кто имѣетъ право на бесплатное полученіе лѣкарствъ по рецептамъ доктора изъ княжеской аптеки, онъ собственноручно написалъ на большомъ листѣ о правахъ и моихъ, какъ духовнаго его отца, и велѣлъ повѣсить на видномъ мѣстѣ въ аптекѣ.—Знаменитый врачъ князя, докторъ медицины и акушерства Генрихъ

¹⁾ Памятникомъ сего уваженія его ко мнѣ и доселѣ сохранились въ домашнемъ моемъ письменномъ архивѣ нѣкоторые изъ писемъ его, въ которыхъ онъ просилъ моего совѣта по предпринимаемымъ имъ дѣламъ или общеплательнымъ учрежденіямъ, особенно въ Псковской губ.—родовомъ его имѣніи, или же по части еще большаго благолѣпія мѣстной Свасско-Корсунской церкви, которой состоитъ прихожаниномъ и усерднымъ почитателемъ.

Стан. Тритшель, отецъ нынѣшняго профессора Кіевск. университета, Карлъ Генр. Тритшеля, былъ докторъ и моего дома.

Матеріальное обезпеченіе мое, помимо получаемого мною жалованья по Епархіальной службѣ, увеличивалось отъ князя за преподаваніе Закона Божія въ музыкальной княжеской школѣ мальчикамъ изъ крѣпостныхъ людей, а также благодаря присутствію князя въ качествѣ воспріемника при крещеніи почти всякаго служившаго при дворѣ его, не исключая и сажотрусовъ. Щедро получалъ я отъ лицъ служившихъ въ главной конторѣ по управленію его имѣніями, каковыхъ лицъ въ качествѣ бухгалтеровъ было получавшихъ жалованья по тысячѣ рублей до 30-ти, не считая главно-управляющаго. Немалые доходы имѣлъ я отъ отдаваемой мною въ аренду церковной земли. Вообще получаемое мною содержаніе было такое, какимъ едва-ли кто пользовался изъ священниковъ Кіевской Епархіи.

Климатическія условія мѣстности—превосходны, а къ тому и не безъ пріятныхъ развлеченій.¹⁾ Ежегодно ко дню Ангела (29 іюня) и ко дню рожденія (4 августа) свѣтлѣйшаго князя пріѣзжали на соборное богослуженіе въ Корсунско-Спасскую церковь Кіевскіе генераль-губернаторы. Въ числѣ генераль-губернаторовъ, пріѣзжавшихъ сюда, были князь И. И. Васильчиковъ, Ник. Ник. Анненковъ, Александръ Павловичъ Безакъ; а изъ губернаторовъ Казнаковъ, Гессе. Высокопоставленныя эти лица, гости у князя дня по два по три, слушали музыку и въ домѣ

¹⁾ Содержавшійся на счетъ князя оркестръ, подъ управленіемъ капельмейстера, выписаннаго изъ Чехіи, пользовавшійся громкою славой, игралъ въ саду княжескомъ, расположенномъ на 7-ми скалистыхъ островахъ, обтекаемыхъ р. Росью,—всякій воскресный и праздничный день, и по четвергамъ въ лѣтнюю пору. И послушать игру его съѣзжались изъ разныхъ губерній помѣщичьи семейства для лѣтняго пребыванія въ Корсуніи, большинство-же и для пользованія у доктора Тритшеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для купанья въ каскадахъ водъ р. Роси въ мѣстахъ, гдѣ она била волнами о подводные камни.

князя за обѣдомъ и ужиномъ, и въ послѣобѣденное время до вечера въ саду княжескомъ.

Не оставляли безъ особеннаго вниманія князя и церкви Спасской духовные владыки кievскіе. Выѣзжая для ревизіи церквей, они останавливались, на время пребыванія своего въ Корсунѣ, въ дворцѣ князя, построенномъ въ швейцарскомъ вкусѣ по архитектурѣ и на высокой скалѣ; совершали всегда торжественное богослуженіе въ Спасской церкви, хотя бы пріѣздъ ихъ былъ и въ будничныи день; обѣдали въ томъ же дворцѣ со всѣмъ духовенствомъ, участвовавшимъ въ богослуженіи, отъѣзжали въ сосѣднія села для обозрѣнія церквей и опять возвращались къ князю на ночлегъ. За время служенія моего при Корсунско-Спасской церкви, въ ней богослуженіе совершали: митрополитъ Исидоръ,¹⁾ двукратно—митрополитъ Арсеній и викарій Анполинарій. Въ Корсунѣ, по случаю послѣдовавшаго предъ назначеніемъ меня къ Спасской церкви волненія крестьянъ, преждевременно добивавшихся освобожденія отъ крѣпостной зависимости,²⁾ въ теченіи 12-ти лѣтняго служенія моего въ немъ находились всѣхъ сортовъ оружія войска со штабами—дивизионнымъ, кавалерійскими, бригадными—артиллерійскими, саперными баталіонными и нѣсколькими пѣхотными ротами.

Все это придавало мѣстечку оживленный видъ и отпечатокъ важнаго города.

Въ вечернюю пору, особенно въ дни ангела и рожденія свѣтлѣйшаго князя и его супруги свѣтлѣйшей княгини Іоанны, праздновавшей день своего ангела въ день рожденія крестителя Господня (24 іюня), съѣзжались, для гулянья, въ княжескомъ саду и для слушанія игры оркестра, и семейства священниковъ имѣнія князя (а священниковъ въ имѣніи князя въ одной Кор-

¹⁾ Къ пріѣзду митр. Исидора князь экстренно вызвалъ изъ Кіева знаменитаго пѣвца, Г. Соловьева, который пѣлъ, какъ единолично, такъ я принималъ участіе въ пѣніи кievскаго хора въ дворцѣ въ вечернюю пору, чередуясь съ музыкальнымъ оркестромъ.

²⁾ См. объ этомъ печатаемую въ настоящей книгѣ «Записку» П. Г. Лебединцева.

сущинѣ считалось 28). Въ сумерки нѣкоторыя изъ этихъ семействъ по приглашенію моему, а другія и безъ приглашенія, сходились въ мою квартиру и были угощаемы чаемъ и ужиномъ, для чего, по распоряженію князя, былъ присылаемъ заблаговременно сахаръ головами, вина изъ погребовъ, пиво, боченками изъ его завода, разные продукты изъ его оранжерей, повара и другая необходимая прислуга. Кондиторъ княжескій за день до наступленія празднествъ въ нѣсколькихъ кадкахъ заготавливалъ для моихъ гостей мороженое.

Жизнь при такихъ обстоятельствахъ могла ли быть скучною, хотя, преимущественно для меня, была и докучливою? Въ общемъ можно сказать, что это было доброе старое время. А потому не естественно-ли мое настоящее желаніе—передать объ этомъ добромъ старомъ времени и отдаленному потомству? А чрезъ посредство чье-же, какъ не черезъ журналъ „Кіевская Старина“, такъ какъ всѣ воспоминаемые мною событія совершались въ губерніи Кіевской? Да и основатель сего журнала былъ родной братъ мой Теофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, объ комъ, по обученію его со мною въ Зеленянской школѣ, Богуславскомъ духовномъ училищѣ и въ Кіевск. Духовной семинаріи, говорятъ эти мои воспоминанія.

